ПОДГОТОВКА К ПОЛЬСКОМУ МЯТЕЖУ В МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1861 ГОДУ.

Записки генерал-майора Мейера

Журнал АСПЕКТ
ПРИЛОЖЕНИЕ серия ИСТОЧНИКИ
Белград-Минск 2019.

ПОДГОТОВКА К ПОЛЬСКОМУ МЯТЕЖУ В МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1861 ГОДУ.

Записки генерал-майора Мейера.

ИЗДАТЕЛЬСТВО журнала «АСПЕКТ»
ПРИЛОЖЕНИЕ. Серия ИСТОЧНИКИ.

Белград-Минск
Декабрь 2019

УДК 93/94

ББК 63.3(2)

ПРИЛОЖЕНИЕ
Международного независимого журнала
социальных и гуманитарных исследований
«АСПЕКТ» http://aspects.su/
Серия - ИСТОЧНИКИ. Декабрь 2019
ISSN 2560-3752 (Online)

Пётр Митрофанович Мейер

«Подготовка к польскому мятежу в минской губернии в 1861 году. Записки генерал-майора Мейера»

Дмитрий Васильевич Скрынченко

Первоначальная журнальная редакция для «Минских Епархиальных ведомостей» (№№ 17-24.1907 г.)

Игорь Фёдорович Зеленковский

Современная редакция и составление отдельного издания в Приложение журнала «Аспект»/ Белград-Минск/ Декабрь 2019 г.

Аналитические записки и письма непосредственного свидетеля и участника событий, предшествовавших Польскому восстанию 1863-1864 годов в Царстве Польском и Северо-Западном края Российской империи Генерал-майора Мейера, несшего службу в Минской губернии по линии Министерства Внутренних дел.

На обложке первая фотография Минска, сделанная в 1963 году.

Издательство международного электронного журнала
социальных и гуманитарных наук «АСПЕКТ» http://aspects.su/
ПРИЛОЖЕНИЕ. Серия ИСТОЧНИКИ.

ISSN 2560-3752 (Online)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово..... 4
Вместо предисловия..... 14

Часть 1-ая.
Об общем положении в Северо-Западном крае.... 16
Духовенство..... 32
Чиновники..... 40
Полицейские суды..... 51
Мировые посредники, предводители дворянства, войско..... 55

Часть II-я.
Составлена из частных и официальных писем генерал-майора Мейера с описанием событий в Северо-Западном крае..... 64

Приложение к Запискам
(Польские прокламации).
Из газеты ВЕЛИКОРУСС..... 140
О восстании Польши..... 149

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

События, происходящие в наши дни, часто имеют сходство с теми, что ранее уже происходили. Ведь, несмотря на смену декораций эпох, в большей степени, связанной с техническими нововведениями, человеческое общество не столь подвержено быстрым изменениям, и подчиняется одинаковым социальным закономерностям. Отсюда особый интерес к истории, поскольку, вглядываясь в прошлое, и учитывая определенные закономерности, можно по аналогии попытаться спрогнозировать события, или хотя бы уловить их общую тенденцию. При этом, давно подмечено, что мало кто учится на уроках истории. Ну, что же, - на то и дана каждому поколению возможность найти свое счастье, и совершить по-своему все тот же набор ошибок. Но отдельный предыдущий опыт, общество все-таки учитывает, иначе вообще не было бы социального прогресса.

Поэтому всякий раз мы с интересом обращаем внимание на примеры из прошлого хотя бы немного схожие с современными событиями. Так и с предлагаемой читателю данной книгой документальных записок генерал-майора Мейера о событиях в Минской губернии в 1862 году -

накануне Польского восстания 1863-1864 годов.

Эти записки имеют интересную судьбу. Почти полвека (с 1862 по 1907 – 45 лет) они хранились в Виленском архиве, поскольку являлись оперативно-аналитическими докладами от высокопоставленного чина Министерства внутренних дел Российской империи. Как водится, по прошествии определенного времени (в 1907 году), часть документов, касаемых Польского восстания, в которые видимо попали и эти записки, были открыты для общества. Рукописью заинтересовался главный редактор «Минского епархиального вестника» Дмитрий Васильевич Скрынченко, и прежде всего тем, что в описываемых действиях польских «мятежников», узнавались методы и приемы, современных ему представителей различных левых и либеральных партий. Это побудило Скрынченко опубликовать Записки Мейера частями в нескольких номерах «Минского епархиального вестника». В следующем 1908 году эти Записки издательство "Minsk : Tip. S.A. Nekrasova" выпустило очень маленьким тиражом по специальной подписке. Потом через девять лет началась Первая мировая война, следом революция с Гражданской. На страну навалился красный террор. Случилось та трагедия, которую пытался предупредить Скрынченко, публикуя

Записки генерал-майора Мейера о методах и действиях идейных, а зачастую и прямых предшественников большевиков. Перевернулось все: черное стало белым; кто был никем - тот стал повелителем судеб России, и кто ранее был злодеем - тот стал героем. Один из руководителей Польского мятежа - государственный преступник Константин Калиновский сначала вошел в большевистский пантеон революционеров-мучеников, а потом стал национальным героем белорусов, чьих предков казнили польские мятежники[1]. В ходе культурной революции, и идеологической войны со всем, что связано с русской традицией, вся дореволюционная историческая литература и публицистика попала под запрет или была уничтожена. В том числе оказались и журнал «Минский епархиальный вестник» и Записки генерал-майора Мейера. Эти материалы, рассказывающие неудобную правду о революционерах и мятежниках выпали из советской историографии, и на сегодня являются библиографической редкостью. Это побудило нас подготовить новое

[1] Смотрите репортажи прямо с мест событий, описывающие расправы польских мятежников над мирными жителями и православными священниками на территории современной Белоруссии. "Литовские епархиальные ведомости" 1863 г. № № 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17. *https://zapadrus.su/bibli/arhbib/2026-stradaniya-pravoslavnogo-dukhovenstva-ot-polskikh-myatezhnikov-litovskie-eparkhialnye-vedomosti-chast-1.html* (Прим. Составителя)

издание Записок генерал-майора Мейера отдельной электронной книгой в современной русской орфографии и с комментариями для сегодняшнего читателя (наши комментарии обозначены - Прим. Составителя) . В качестве исходников были использованы номера «Минского епархиального вестника», которые нам прислал наш друг историк из Польши Михаил Джега. Желающие могут посмотреть журнальный вариант оригинала Записок.

Минские Епархиальные ведомости (активные ссылки на архив):

- *№ 1907.17, стр. 1 в конце номера*
- *№ 1907.18, стр. 17 в конце номера*
- *№ 1907.19, стр. 33 в конце номера*
- *№ 1907.20, стр. 49 в конце номера*
- *№ 1907.22, стр. 65 в конце номера*
- *№ 1907.24, стр. 81 в конце номера*

В чем на наш взгляд важность и актуальность записок генерал-майора Мейера?

Во-первых, несмотря на то, что прошло уже более чем полтора века после Польского восстания 1863-1864 годов, те события не только не канули в небытие, но чем далее, то тем более по их поводу ломают копья все новые поколения историков, политиков, да и вообще всех

белорусов, хоть как-то участвующих в общественной жизни.

Во-вторых, эти записки являются важным документом, как для современных исследователей, так и для широкой публики. В постсоветское время, по мере восстановления русской традиционной историографии, в работах ведущих специалистов по Польскому восстанию 1863-1864 годов, среди которых особо следует отметить доктора исторических наук Александра БендинаБендина[2], уже довольно много было сказано о деятельности графа Михаила Муравьева-Виленского и его ближайших сподвижниках. Появились работы, и, в частности, протоиерея Александра[3], посвященные служению митрополита Литовского и Виленского Иосифа (Семашко). Но еще недостаточно восстановлено сведений о большой и напряженной работе многих других менее высокопоставленных чиновников и православных священников, благодаря трудам которых, восстание польской шляхты потерпело поражение,

[2] Подборка работ Александра Юрьевича Бендина на сайте «Западная Русь» *https://zapadrus.su/component/tags/tag/aleksandr_bendin.html?limitstart=0* (Прим. Составителя)

[3] Подборка работ протоиерея Александра Романчука на сайте «Западная Русь» *https://zapadrus.su/component/tags/tag/aleksandr_romanchuk.html* (Прим. Составителя)

поскольку крестьяне, считавшие себя русскими и православными, доверяли больше государству, и поэтому проявили свои верноподданнические чувства, и прямо выступили против польских мятежников, несмотря на длительную и изощренную пропаганду со стороны шляхты и католической церкви. Среди этих деятельных чиновников как раз и был генерал-майор Петр Митрофанович Мейер - Председатель особой следственной Комиссии Минской губернии, учрежденной в 1961 году подобно Виленской и Киевской, для разбора дел по наиболее важным политическим преступлениям или проступкам. Помимо основных обязанностей по обеспечению порядка в губернии Мейер, был также ответственным за храмостроительство и открытие приходских школ в Минской губернии. Он совместно с Архиепископом Минским и Бобруйским Михаилом (Голубовичем) обустроил в Минской губернии более 500 приходских школ, в которых обучалось 11 тысяч крестьянских детей.

Третий фактор актуальности записок генерал-майора Мейера изложен в самом предисловии Д. Скрынченко к первому их изданию в 1907 году, где он отметил удивительную схожесть методов польских мятежников и современных ему социалистов, в числе которых было много и поляков – прямых потомков мятежников:

«...мы были поражены, до какой степени событие из времени польского „повстанья" похожи на те, которые совершаются в настоящее время в нашем крае. И теперь, как и тогда, поляки прибегают к одинаковым мерам окатоличивания и ополячивания нашего края».

Мы также отмечаем удивительную схожесть в описанных Мейером действиях польской шляхты в 1862 году в период подготовки восстания, и действиями сегодняшнего так называемого «свядомаго кола». Также, вызывают опасение методы реализации текущей политики белорусизации, которую, усилиями этого же «кола», проникшего в среду чиновничества от культуры и образования, зачастую подменяют дерусификацией и криптополонизацией[4]. К чему это может привести, мы можем видеть из уроков истории. Если власти вели себя ответственно и решительно, как в 1863-1864 годах, то восстанавливалась мирная жизнь. Если пытались угодить и тем, и другим, и больше шли на уступки агрессивному и

[4] Игорь Зеленковский. «Граф Михаил Муравьев-Виленский как один из первых истинных «белорусизаторов» Белой Руси». Доклад на Международной научной конференции памяти графа М.Н. Муравьева-Виленского . Журнал "Аспект". №3. 2017г. *http://aspects.su/attachments/Aspect_2017_3_3.pdf* (Прим. Составителя).

крикливому меньшинству, то происходила катастрофа как в 1917 году.

Что сегодня известно об авторе записок генерал-майоре Мейере? Из записок мы узнаем, что помимо вышесказанного, он также отвечал за строительство Архиерейского подворья, на фундаменте которого сейчас стоит минский Дом Офицеров. В записках упоминается, что брат Мейера был высокопоставленным сановником. Нам известно, что Мейер Пётр Мартынович родился 18 января 1813 года и происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии немецкого происхождения, давно принявших православие и полностью обрусевших. В списке генералов Российской империи указывается, что он был произведен в генерал-майоры 19 мая 1860 года (за два года до написания этих записок). 16 ноября 1876 года высочайшим указом был произведен в генерал-лейтенанты. Умер Пётр Мартынович 09 марта 1882 года в возрасте 69 лет.

Гораздо больше сведений о сыне Петра Мартыновича – Петре Петровиче Мейере, который родился в 1860 году и упоминается в переписке его отца с архиепископом Минским и Бобруй-ским Михаилом (Голубовичем). Петр Петрович Мейер тоже сделал блестящую карьеру по ли-нии Министерства внутренних дел Российской

империи, и также как отец, был тесно связан с «польским и революционным» вопросом. С 14 января 1901 года он был назначен штаб-офицером при канцелярии помощника Варшавского генерал-губернатора. С 10 декабря 1902 года состоял Виленским полицмейстером, а 9 мая 1905 года был назначен Варшавским обер-полицмейстером. Генерал-майор с 6 декабря 1909 года. С 15 августа 1916 года занял пост Ростовского-на-Дону градоначальника. После Февральской революции, 1 мая 1917 года был уволен от службы по болезни с производством в генерал-лейтенанты. Во время Гражданской войны был Севастопольским градоначальником (1920). Эмигрировал в Югославию. Умер 4 декабря 1925 года в Белграде. Таким образом, сын автора записок видел к чему в итоге привела деятельность мятежников. Он умер в эмиграции, проиграв борьбу за Россию.

Главный редактор «Минского епархиального вестника» Дмитрий Васильевич Скрынченко, опубликовавший записки генерал-майора Мейера – известный западнорусский историк, общественный деятель, публицист и политик жил и работал в Минске с 1903 по 1912 год. Затем, под давлением леволиберальной общественности Минска, и в следствие интриг польско-католических кругов, он был уволен с занимаемых должностей. Скрынченко переехал в

Киев, где проживал по 1919 год, и продолжал свою научную и публицистическую деятельность. Дмитрий Васильевич Скрынченко, также, как и сын автора опубликованных им записок, вынужден был эмигрировать из большевистской России в Югославию, где продолжил активную деятельность по сохранению русской культурной традиции и Православия, преподавая в различных русских учебных заведениях в Югославии. Закончил свой жизненный путь Д.В. Скрынченко в 1947 году, и был похоронен на кладбище в Нови-Саде, где сохранилась его могила.

Игорь Зеленковский.

Главный редактор Международного независимого журнала социальных и гуманитарных исследований АСПЕКТ - http://aspects.su/

Минск 2019 год

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ.

Многие события, совершающиеся в настоящее время в Сев. Зап. крае и в частности в Минске и Мин. губернии, тот натиск польских помещиков и ксендзов на русскую народность, государственность и православную веру, который теперь идет то открыто, то большей частью втайне», заставил нас обратиться к обстоятельному изучению недавнего прошлого нашей губернии. Разбираясь в материале, касающемся последнего польского мятежа в 1863 году, мы были поражены, до какой степени событие из времени польского „повстанья" похожи на те, которые совершаются в настоящее время в нашем крае. И теперь, как и тогда, поляки прибегают к одинаковым мерам окатоличивания и ополячивания нашего края. Те же торжественные крестные ходы, те же тайные школы, пропаганда ксендзов по селам, те же общества „огниски" и „соколы", только называвшиеся прежде другими именами, то же воздействие (исподволь и по-иезуитски) на русских чиновников, то же стремление вытеснить русских отовсюду—из клуба, из учреждений казенных, частных и т. д. И только приходится удивляться, как до сих пор многие русские чиновники не раскусили поляков и идут напр. на выборах рука об руку с поляками. Объяснение этому можно предполагать такое:

русские чиновники, присылаемые в этот край из Центра России, прямодушные и откровенные, сразу попадаются в ловушки лукавых ляхов; или же некоторые еще до сих пор наивно думают, что будто бы все еще продолжается „обще-российское освободительное движение", не умея понять того, что поляки подготовляют здесь освободительное движение *от России,* а есть и такие чиновники которые volens—nolens должны подпевать под польскую дудочку, так как они находятся в зависимости от тех поляков, которые, во множестве сидят в петербургских, департаментах.Благодаря любезности бывшего помощника попечителя Виленского учебного округа А. В. Белецкого, нам удалось ознакомиться с любопытнейшим документом—*Записками генерал-майора Мейера,* изображающими Минск и Мин. губернию в 1861 г., т. е. в период самого разгара подготовительной кампании поляков к мятежу. Записки эти нигде еще не напечатаны. Пользуемся случаем заявить читателям, что нами *открыта подписка на издание* вышеупомянутых *Записок* Внесшие *1 рубль* получат один экземпляр *Записок.*

Дмитрий Скрынченко.
Главный редактор
«Минского епархиального вестника»
Минск 1907 год

http://aspects.su/

ЧАСТЬ 1-ая.

Минская губерния представляет теперь для наблюдение две стороны: наружную и внутреннюю.

По наружности судя, может показаться, что кроме упорного ношение поляками глубокого траура[5], упорных пений гимнов и акафиста, даже в самом Минске, за каждою обедней, даже впотьмах, после вечерен да беспрерывного сбора денег на повстанье за ойчизну и упорного отдаление поляков от всякого сообщества с русскими, неприязненных к которым чувств своих они и не скрывают— остальное все так покойно и прекрасно, все идет в таком

[5] Ношение траура, а также средневековой шляхетской одежды в «сарматском» стиле в память о погибшей отчизне Польше, - это был своеобразный политический «флешмоб» того времени, к которому властям трудно было придраться. «В форму политической демонстрации превратились местные традиции — бросание венков в Вислу на Купалов день, поминовение усопших, поклонение изваяниям Богородицы, и, конечно, же, внешний вид. Улицы стали театром любви к былым временам Речи Посполитой. Яркие жупаны, откидные рукава, желтые сапоги, золотые кушаки, заломленные конфедератки, брелоки в виде кандалов, разнообразные перстни с национально-революционной символикой, женщины распускали волосы или облачались в траур и т.п.» - Олег Айрапетов «Царство Польское в политике Империи в 1863-1864 гг.» *https://zapadrus.su/bibli/geobib/1863-1864/498-2012-10-03-22-29-50.html* (Прим. Составителя)

обычном обыденном ходе, как лучше и желать нельзя. Даже отовсюду получаются донесение будто о совершенном прекращении пений гимна (кроме Борисовского уезда, где исправник не поляк) и о совершенном спокойствии края. Но ежели взглянуть поглубже в лихорадочную жизнь всего здешнего общества, то как предметы, возникающие из тумана, когда всмотрится глаз—и здесь из под тумана и мрака, которыми прикрывают поляки свои подкопы, по немного выкажутся другие элементы, на которых истинно русскому и православному - принимающему близко к сердцу счастье, могущество, целость и благоденствие России, нельзя не остановить внимание серьёзного.

Начнем с общества столь немногих чисто русских, здесь живущих, торгующих, служащих. Никогда не видели их так грустными, так усердно молящимися. Старожилы говорят: „мы теперь, батюшка, молимся пуще, как в холеру, как при несчастье страшном... Бог весть, что с нами тут будет... Поляк с каждым днем все смелее, азартнее, чуть в грязь не топчет нас... что делать? видно Бога прогневили! Как привели было казаков, позатихли было маленечко, а как выслали казаков—опять вот как зашумели. Господи помилуй!" Где ни сойдутся русские—одна у всех мысль, один разговор—о

http://aspects.su/

безотрадном здесь положении русских, о непонятном положении дел, о нерешительности и не определительности мер против явного разлива революционных движений. Действительно здесь все притихло с приходом сюда войск. Л. и Б. и другие, возвратясь из С. Петербурга, убеждали всех, согласно с советом своих комитетов, Парижского и Варшавского, затихнуть хоть до весны, или до общего восстания, когда они надеются и правительство русское и всех русских смести с лица земли Литовской[6]. И чем тише, пока будет все в губернии по наружности, тем сильнее будет их право на недопущение того, чего, Боже сохрани, как они боятся - военного положение и усиления войск. Если же им посчастливится, подобрав к рукам окончательно и сколько возможно администрацию и администраторов, не увеличить здесь массы русских войск, то весною, или, как только раздастся сигнал общего подъёма,—они овладеют всеми казначействами и оружием, имея везде агентов и сообщников, всюду нападут массами, на отдельные части русских, немногочисленных и слабых своей раздробленностью и раскиданностью, уничтожат их и начнут с успехом

[6] Минская и Гродненская губернии наряду с Виленской и Ковенской в Российской империи до середины XIX века назывались Литовскими, но не по населявшему их русскому этносу, а по факту принадлежности их ранее Великому Княжеству Литовскому. (Прим. Составителя)

приводить в окончательное исполнение кадровые правила прилагаемого в воззвании № 1 (от страницы и далее). Как председатель неприятной и нежеланной для поляков Комиссии, конечно, здесь я—последний, кому они решились бы открыть что-нибудь, разъяснить свои замыслы. Меня боятся, от меня стараются все скрыть, мне труднее каждого здесь узнать что-нибудь верное. И надо большие деньги, —которых у меня нет вовсе, надо усердное содействие ловкой полиции, которого не имеет и губернатор (Полиция служит здесь больше для закрытие всего опасного полякам) чтобы изыскание могли быть подтверждены документами. Ежели я узнавал что-нибудь и желал иметь доказательства (особенно план их окончательных кадровых распоряжений), мне отвечали: „здесь при теперешнем ходе дел, чуть заподозрят кого-нибудь в передаче правительству доказательств против поляков и их намерений, он не останется цел и невредим, а правительство не в силах оградить его и спасти”... Русское правительство у себя дома и не в силах... может ли это быть?... Но никто не хочет рисковать жизнью и семьей своей, видя развитие сил нам враждебных и наше бездействие. Ксендзы смело с кафедр говорят народу: „разве не видите, что сам пан Бог поборяет нам, ослепляя врагов наших? Разве вы не замечаете, что

уже больше 3-х лет они сами дают нам всю возможность развить наши планы и укрепиться в них. Неужели мы не воспользуемся этим для блага нашей ойчизны и детей наших, чтоб свергнуть и попрать иго для нас ненавистное, уничтожить веру нам враждебную?". Вообще в самых пламенных проповедях ксендзы стремят всех поляков к единодушию и восстанию, зная из опыта, что в минуты всеобщего волнение и кипение страстей, в минуты верховной опасности, сила религии (следовательно власть ксендзов и их церковные и личные доходы) всегда значительнее и могучее — народ поет больше литаний (акафистов), заказывает больше мшей и панихид, беспрерывно прибегает к исповеди проч.

Узнав, однако много достоверного и основательного, подтверждаемого ежедневными событиями, я решился набросить это на бумагу для себя, для своих соображений.

Здесь я сперва упомяну о настоящем положении края в некоторых отношениях (это положение может беспрерывно изменяться); — потом скажу о мерах, которые могли бы, по моему мнению, хотя несколько теперь противодействовать замыслам поляков. Все это конечно отношу я только к горизонту передо мною находящемуся—к Минской губ., полагая,

что и о Минской и о других губерниях местные их начальники или доверенные от правительства лица, имея в руках власть и способы— имели довольно бремени и могли иметь более меня и зоркости и средств, чтобы вернее и лучше и прежде меня сказать правительству свое разумное сердечное слово. Чтобы узнать, что затевают поляки и есть ли нынешнее их положение заговор, отрывчатый, местный, как прежде бывали тому примеры, или он скрывает в себе основы глубокие, всеобщность усилий и уже проник во все слои народа,— я старался достать главнейшие воззвания, служащие исходными точками для оценки наставшего положение дел. Еще когда я был в Могилевской губернии в 1858—1859 годах, Преосвященный Анатолий[7], знавший и любивший польскую литературу, приятель многих помещиков поляков, сам говорил мне о читанных им польских прокламациях, „писанных огнем," подписанных „молодежью польской." Уже тогда за три года перед этим ходили слухи о приготовлении глубоких основ для общего восстания, для отторжение всех Западных губерний, до Смоленска (до столбов Болеслава)[8], для

[7] Архиепископ Могилёвский и Мстиславский Анатолий (Мартыновский) (1793-1872) (Прим. Составителя).

[8] Повествования польских хронистов о том, как первый польский король Болеслав I Храбрый (967- 1025), расширив свою державу от Эльбы до Днепра, вбил в дно этих "пограничных" рек железные

взволнования казаков и Украины, для возвращения Унии и папизма. Анатолий на предложение мое, чтобы он сообщил об этом подробно правительству, отвечал, вероятно не придавая замыслам поляков особой важности: „верьте мне: светское правительство, владеющее столькими средствами, и явною и тайною полициями, лучше всех нас знает все это; и если, кажется нам, бездействует, то верно тоже знает почему и для чего". С этим нельзя было не согласиться. Объезды мои Могилевской и Минской и частые посещение Витебской губернии, сближая меня с многими местами и лицами, убеждали меня в существовании таких обширных предположений, который не могли и не должны быть тайны для правительства. В Петербурге кое-что чуть прослышал я о существовании каких-то воззваний, которые двигают народ Польши, тогда как другие, подавая им руку, стараются волновать молодежь русскую, и дворян, и низший класс. Они рассчитывают успех на повсеместных послаблениях в

столбы, установив пределы Польской державы. Эти легендарные Болеславовы столбы не раз возникали на страницах польских политических проектов и воззваний. Эти столбы на Днепре были до недавнего времени обоснованием претензий поляков на восточную границу Польши по Днепру с владением Киевом на Юге и Смоленском на Севере. Этот факт использовала польская дипломатия при определении новых западных границ Польши после Второй мировой войны (Прим. Составителя).

последнее время; на равнодушии, многих русских, часто ограничивающих благородное стремление к народности и величию нашей родины—введением боярских шапок, как то странно сочетанных с французскими фраками, рассчитывают и на некоторую запутанность дел, всегда сопутствующую реформам, пошатнувшим все старые основы, еще не успев установить твердо ничего нововведённого и чрез это делающим много недовольных. Сначала и первосвященник Римский косвенно принимал участие в делах Польши и Литвы, сердечно желал возвращение в свое лоно статьи, доходной статьи, льстящей его самолюбие, дающей ему нравственное; подкрепление *в* такие минуты, когда и католический, мир хочет исторгнуть всю светскую власть из его рук. Многих, слышно было, он благословлял; - многие от его имени пускали тогда в ход увещание бороться за ойчизну, —восстановить веру латинскую, а где нельзя—то хоть Унию; противиться полной эмансипации крестьян[9], между которыми масса православных. (Тогда еще не остановились, как теперь, на идеях возмущения всех их против русской власти). Потом, когда такая борьба для латинян помещиков оказалась невозможной, а эмансипация объявлена—они старались, и до сих пор, усиленно

[9] Освобождение крепостных крестьян (Прим. Составителя).

стараются, установить все правила нового порядка дел единственно и исключительно, в пользу помещиков, чтобы, придерживаясь крепостных начал, иметь на основании нового законодательства русского, но, по—прежнему, в „своей полной зависимости, массу народа—этот теперь сильный рычаг для действий за или против какого-нибудь принципа, или власти. Добыв главнейшие документы, я с помощью нескольких чиновников и под присмотром Вице-губернатора русского, и знающего оба языка—польский и русский—в немногое свободное от усиленных занятий время, их перевод воззваний сверил по 4-м экземплярам и исправил окончательно. Видно, что сперва составлено было одно общее воззвание, или, как поляки называют, манифест о необходимости и возможности поголовного восстания. Воззвание это получило некоторые изменения, приноровлённые к местным условиям Польши, Литвы, Белоруссии, Киева, Подолии, Волыни. Потом оно несколько изменено, после Варшавских событий[10]; и когда стали литографировать все эти воззвания, то или пропущены, или изменены некоторые мысли и

[10] События 15 февраля 1861 в Варшаве, когда во время очередной незаконной демонстрации, солдаты открыли огонь по толпе в результате чего было убиты пять манифестантов (Прим. Составителя).

резкие выражения, находящиеся в некоторых рукописях.

Прилагаю документы эти; их можно считать законодательными, потому что их слова исполняются с большей точностью, чем наши и духовные, и гражданские, и военные законы. Революции свершённые, также как замышленные, но неудавшиеся выучили распознавать и самые воззвания. Кто их не писал? но не всякому они удавались. Только тогда воззвание удачно, когда оно хорошо соображено с наставшим временем и обстоятельствами; когда оно выхвачено из основ народного духа и направление всем понятных, всеми понятых, сочувствуемых и устремляемых к тем современным целям, которые глухо залегли или громко выражаются во всем народе. Прилагаемые воззвания здесь читаются и перечитываются ежедневно. Их твердо и глубоко изучили, по ним соображают свой действия, поверяют их и следуют им точнее, нежели катехизису.

№ 1-й. О восстании Польши, о необходимости и возможности восстания. По этому воззванию везде формируются кадры, о которых в нем разъяснено. Подробности окончательного составление кадров, или план восстания достать чрезвычайно трудно; правительству (кажется) неизвестно его существование, и здесь в

Минске много надо истратить денег и усилий, чтобы получить этот важнейший документ.

№ 2. Сущность соглашений Мирославского с Гарибальди[11]. Это написано перед первыми Варшавскими событиями и служит отчасти к разъяснению намерений поляков.

№ 3-й. Воззвание к женщинам, по которому все жены и дочери поляков и все латинянки (хотя бы они были женами или дочерями православных или лютеран) облеклись здесь в траурные одежды, траур надели даже некоторые семейства священников из униата, и даже польки Моисеева закона. Поляки и польки отказались от всякого рода публичных увеселений и танцев и отшатнулись окончательно от всякого сообщества с русскими. (В Минске первый пример подала губернаторша).[12]

№ 4. Воззвание к землевладельцам.

[11] Один из самых прославленных революционеров XIX века не обошел своим вниманием и Польшу. Он даже собирался организовать революционный поход в поддержку шляхты во время Польского восстания 1863 года (Прим. Составителя).

[12] Супруга Минского губернатора графа Эдуард Фёдорович Келлер - Мария Ивановна Ризнич (1827—1895), из известной польской аристократической фамилии. Будучи женщиной светской, была независимой и предпочитала подолгу жить за границей отдельно от мужа. В итоге они развелись (Прим. Составителя).

№ 5. Воззвание к ксендзам. По этим двум воззваниям и помещики, и ксендзы, примкнули к движению, и каждый из них всеми зависящими от них средствами уславливаются действовать по беспрерывным указаниям людей, вошедших с ними в тайные (для нас) сношения. У ксендзов беспрерывные сборы и совещание помещиков.

№ 6. Недавнее воззвание после ввода войск в Минскую губ. и учреждены Комиссии по политическим делам здесь появившееся, с приглашением принять пока наружность спокойную для того, чтобы не ввели еще войск и военного положения, не назначили бы военных губернаторов и не засадили бы многих в крепость. Прямо говорят в этом воззвании об окончательном овладении администрацию края.

№ 7. Благодарность женщинам за точное исполнение ими воззвание №3.

№ 8. Огнедышащий акафист пилигримов, который вытвержен всеми наизусть и читается при каждой молитве дома и в костелах.

№ 9. Народный польский гимн № 1. Его пели и поют беспрерывно; аристократы и аристократки и шляхта вся поют его дома и в костелах; даже иные бабы—латинянки, собирая

http://aspects.su/

грибы, пели его в поле и в лесах. Даже предположено перевести его на простонародный литовский язык [13] и на предстоящих „святках" приучить крестьян униат православных петь этот гимн.

№ 10. Отчаянный гимн № 2, в августе здесь появившийся. Его тоже поют все и везде. Высшие дворяне (аристократия) здесь сначала не так явно сочувствовали всем этим начинаниям. Они не верили их солидности и общности; думали,—что, как бывало прежде; —с одним или несколькими коноводами движение русское правительство легко совладает, что несколько десятков или, наконец, сотен сообщников перехватают, упрячут подалее и все дело опять угаснет. И они долго колебались. Но—с одной

[13] Под простонародным литовским языком подразумевается местное наречие русского языка, на котором разговаривали крестьяне, этот язык выдающийся филолог академик Евфимий Карский в своем фундаментальном труде «Белорусы» *https://zapadrus.su/bibli/etnobib/133-qq.html* определил как белорусское наречие русского языка. В современной Белоруссии эти сельские говоры мало связаны с, постоянно реформируемым и отдаляющимся от русского, белорусским литературным языком, сейчас называются «трасянкой». Автор записок называет этот язык простонародным литовским, потому что Минская губерния наряду с Гродненской, Виленской и Квенской губерниями в то время входила в часть Северо-Западного края, называвшейся Литвой по названию некогда бывшего Великого Княжества Литовского. Белорусскими же губерниями назывались только Витебская и Могилевская. (Прим. Составителя)

стороны—они увидели, что, к общему изумленно, — никаких мер правительством против разлива этого пожара не принималось, что, по их мнению, какая-то слепота поразила, нас, что свободно, легко и все силнее распространяется всеобщее движение против элемента русского, который вместо того, чтобы воспрянуть и выпрямясь выказать свою силу и живучесть,— молчит и, с каждым часом ослабевая, почти уже окончательно подавлен возникшими польскими охлократическими стремлениями, при которых впереди всего идет мысль: „всех не перехватают, всех не накажут, всех не перебьют“. С другой стороны, они прочитали в воззваниях (силу которых в этот раз столь явно видели), они наверно узнали, что возбудители народа намерены обойтись без них, а они без народа и без власти над народом— сами по себе.—ничто; что вообще возмутители теперь даже не очень хлопочут, о том, будут ли высшие дворяне участниками движения; что ярко выказывается и развивается вообще красное республиканское направление всего молодого поколение, а им грозить опала народная, т. е. совершенное лишение прав и имений; что если дать усилиться этому направлению, то потом с разнузданным народом уже никак не сладить... Видя, наконец, страшный прогресс революционного дела, особенно в этом, году,

они решились стать в ряды и в челе всего движения и овладеть им,—конечно в свою пользу, но под видом общей пользы; выказать патриотизму столько, чтобы, пользуясь еще теперешним своим положением, связями, властью и средствами—ловко, нисколько не выставляясь на глаза правительства, глядящего на все это, как будто сквозь пальцы, и потому, не подвергаясь опасности ни с одной стороны, а еще больше стараясь ввести нас в заблуждение о настоящем положении дел — понемногу стать тайными распорядителями возмущения, чтобы направлять его сходно со своими видами. Если русские одолеют, — они явно не шли же против нас, если поляки возьмут верх, все знают, сколько они рисковали и трудились для них, для общего их дела. А какой здесь поляк не захочет пристать к аристократам и пользоваться выгодами высшего сословия, если оно сохранить свою власть и значение?..

Поэтому очень многие аристократы, безрассудно увлекаясь революционной пропагандой, стали привлекать к себе массу дворян, между которыми у них множество родных и друзей, а через них и через их родню и приятелей сами перед правительством стоя в стороне, теперь начинают двигать толпу и стараются заслужить общее доверие и популярность, и через это достичь своей цели —взять над ними

власть и быть не заподозренными правительством. Они теперь в беспрерывных сношениях с Варшавой и Парижем. Исключений между ними слишком немного; и я не знаю ни одного, кто бы решился противодействовать польским замыслам, или открыть их.

Дворяне,—мелкая шляхта, однодворцы, мещане горожане, и все их семьи от мала до велика—все прямые участники движения; но кроме пение гимнов теперь все стараются пока не очень выказывать свое участие и подготовку,—по завету о тайне, данному им на страницах воззвание № 1.

Унизительно для человечества видеть, к каким страшным заклинаниям себя и своих детей, к каким бессовестным лжам прибегают они перед следственной комиссией, чтобы скрыть даже самое пустое обстоятельство, могущее повести на след их затей. Впрочем, на лживые присяги им уже даны разрешения ксендзов.

Почти нет ни одного мало-мальски путного дворянина, даже до какого-нибудь Б,—который бы не считал для себя священнейшей обязанностью явиться на поклонение Парижскому главному их комитету и не послал бы в Варшаву и Париж своих денежных жертв (до купца

http://aspects.su/

3); и своего фотографического портрета—в кунтуше, этом прошедшем в будущем наряде Польши и Литвы. Впрочем, некоторые портреты даже требовались туда, чтобы Варшавские и Парижские деятели знали будущих начальников разных местных частей (децемвиров и проч.) в том наряде, в котором они будут в эпоху повстанья.

Дворяне ездят отсюда в Варшаву и в Париж без всякого разрешения. Даже недавно в Слуцке, лукавый деятель трактирщик Папесский, отданный г. Полковником Дмитриевым под надзор полиции, через несколько дней уехал в Варшаву; а городничий, говорить, (нетрезвый и покорный их слуга) и не заикнулся, чтобы остановить его.

ДУХОВЕНСТВО.

Губернский предводитель дворянства прямо сказал губернатору, что каждому поляку, а тем более их представителю, теперь выгоднее быть на стороне мятежной, нежели на стороне правительства. Эта мысль руководит здесь всеми. Духовенство—униатское, как зовут его здесь вообще, воссоединённое[14]—как

[14] Здесь идет речь о воссоединённых священниках - бывших до Полоцкого собора 1839 года униатскими священниками, среди

они сами назвали себя,—и по официальной их отличительной кличке,—положившей навсегда памятную резкую черту раздела между ими и православием (тогда как не следовало называть их воссоединёнными, а непременно православными без различие с древними)—духовенство это большей частью необразованно, бедно и жалко. И ежели только поляки достигнут здесь полновластия,—то немедленно объявят их без куска хлеба—вне покровительства своего—если они не возвратятся в латинство или Унию.... те, как уверяют поляки, не задумываясь, зашепчут мши, обреют бороды, наденут сутаны и поклонятся главенству папы.... а за ними миллионы воссоединённых будут опять, говоря языком нашей церковной истории, отторгнуты в Унию и в латинство.

Эта задуманная цель нынешних возмутителей, одна из тех, которая не очень затруднит их в достижении потому что мы, по обыкновению, действуя полумерами, вовсе не слили с ними бывшим униатов: ни народа, ни духовенства,—все еще колеблющихся; народа, который в Минской губ. все еще крестится говорить и молится не по-русски... А мы слишком простодушно

которых все еще было сильное влияние католицизма и польской культуры. Они во многом отличались от священников изначально православных, которых автор записок называет древними (Прим. Составителя).

тотчас поверили вольной будто искренности всенародного воссоединения, как бы не заметили подспудных многих пружин,—и почти 1/4 века исчезнувшее, после воссоединения протекли более в поддержании, если не совершенной привязанности,[15] то по крайней мере большой склонности к Унии, без решительного и окончательного принятия народом чистого православия в ежедневной его жизни и молитве. Многие старались убедить всех будто не заглядывать под спуд необходимо, чтоб не раздражать народ, чтобы дружить со-всеми противоположными нам принципами, — ставя свечку Богу, ни забыть кого ни будь почтить огарком. С воссоединёнными и поступали так точно, как поступают с детьми Митрофанушками, которых маменьки не хотят учить уму разуму, опасаясь их слез и неудовольствия.

Вот слова архипастыря, сегодня 20-го октября, мне сказанные: „народ здесь еще не утвержден в православии, и, если разразится буря неблагоприятных обстоятельств—все улетит безвозвратно. Старье, от Унии еще не отстало, молодежь и новое поколение к православию еще не пристали, - и потому древней

[15] Иные священники за шлюп (свадьбу) по-Униатски брали дороже, а за свадьбу по-русски дешевле, иные в присутствии панов латинян не позволяли себе говорить: „вас и всех православных христиан" и пр. а говорили „вас всех христиан”. (Ред. Срынченко)

борьбы за русскую веру, вероятно, не будет. Тогда вера укрепилась веками, а теперь со дня воссоединения едва протекли 2 десятка лет". Вот как шатки и зыблемы наши здесь основы православия.[16] Ведь это слова архиерея, перешедшего к нам из Унии, лучшего из этих архиереев, много старавшегося образовать и обрусить свою униатскую паству. Ксендзы—жаркие, озлобленные противники и ненавистники всего русского, —старались сохранить дружбу с такими из svidisant нашего духовенства, которые выказывали склонность разделять их внушения; и отворачивались и преследовали закоренелых русских попов. Эти преследование выражались жалобами помещиков, дружных с архиереями из Униатов и даже из русских... и подчас бедного русского попа (особенно в Витебской епархии) перегоняли из прихода в приход, подальше в глушь, где приходы победнее и потруднее. Ксендзы были в стороне, но всякий знал, откуда идет удар, поразивший его, — и влияние ксендзов росло. Наше правительство во всем инициативу и руководство приняло на себя; и общий голос винить и в этом отношении правительство в недостатке твердой системы и последовательности. Если приняли

[16] Автор записок ошибся – подавляющее большинство священников не подержало восстание и встало на сторону властей. Многие были за это убиты мятежниками (Прим. Составителя).

миллионы воссоединённых, то следовало их соединить совершенно, слить воедино и по имени и на деле; а то воссоединенные, не оставляя своих униатских замашек, забывая все выгоды, полученные ими от перехода в православие—ропщут на отнятие у них земель и капиталов; православные же ропщут, что они унижен и перед воссоединёнными, которые кичатся таким титулом и покровительством правительства и часто говорят: „я не какой ни-будь православный, *я* из воссоединённых, и архиерей тоже из наших".

Все говорят, будто не давая себе труда вникнуть глубже, не всматриваясь в народ и духовенство на местах вседневной их жизни, правительство не приняло мер к уничтожению разницы между двумя сословиями, слитию и народа—обучением его грамоте и вере уничтожением окончательным всякого следа Униатства. Близко ознакомленный с этими предметами, я не могу не разделять мнений, что новый жизненный, чисто русский элемент здесь необходим для обновления и улучшения духовенства, если здесь хотят удержать и поддержать православие. Теперь почти все здесь от аристократок до евреек (называющихся *уже* „польки Моисеева закона" и до некоторых (особенно из униатов) семей священнических (говорящих плохо по-русски, так что дети их щеголяют

знанием польского языка, (даже мальчики в семинарии), все жены и дочери исполняют в точности приказ воззвания к женщинам (№.3,) касательно ношение траура и проч. Разве это не показывает, что чувство, владеющее народом, исповедующим латинство, и даже по имени православным, но говорящим по-польски и потому считающим себя поляками, напитанным духом польским, признающим себя с обязанностями не к России, а к одной общей их ойчизне—Великой Польше,—чувство это очень распространено; имея его в своей власти, владеют всей массою людей подвластных этому чувству. Постепенно тлело оно, издавна поддерживаемое; при беспрепятственности *же* со стороны русских, особенно, как говорят они—в последние 3 года, оно беспрерывно расширялось и, наконец, особенно с весны этого года, прососалось во многие слои народа латинской веры и польского наречия, польского духа. Это чувство, это стремление к независимости и выход из-под власти „тиранов", вожаки польские связали с ежедневною молитвою, с обрядами религии. Они овладели сердцами женщин; те с жаром предаваясь или поэтическому чувству беспредельной любви, к родине, или для материальных выгод, увлекают и подстрекают молодежь и стариков, и отцов, и мужьев, и детей своих, и любовников. Все

http://aspects.su/

уверены, что женщины и дети это вполне безнаказанные орудие нынешней революции; и от того теперь в каждой свалке, в каждой манифестации, везде женщины и дети впереди всех. „Нам и детям ничего не будет, мы ничего не боимся», —говорят польки. „Всех не переберут, -- всех не перебьют, —только идите дружно все вместе; а не поодиночке", —твердят ксендзы. Ежели муж хочет отклонить от себя ответ за участие в этих делах, он прячется за кринолин жены своей и не боится ничего: жена все примет на себя, а жене ничего не сделают, ведь она слабая женщина... Cest garanti par Ie gouvernement. Энтузиазм возбужден всеобщий и многие бедные находят чистый денежный расчет идти впереди всех, чтобы подобно Марцинкевичевой получать подарок от патриотов из Варшавы—за то будто, что они сделались жертвы, ofiary за ойчизну; другие пользуются складчиной от молодежи и через это живут весело и легко, в полном удовольствии, в полном смысле слова „припеваючи" (Главацкая, православная племянница Козориновой). И в высших слоях русского общества, даже в России (говорят здесь) польки имеют ловко, тайно и сильно содействовать своим, во вред нам.

На стороне русских искренним чувством остаются здесь; очень не многие служащие, но очень многие из духовенства—собственно

древне-православные, и *пока весь простой народ—собственно крестьяне.* Но здесь все думают, все уверены, все твердят, что Россия слишком слаба теперь чтобы противоборствовать Польше; что русские разделены раздором, положением между сословиями крестьянским наделом земли, обеднившим массу дворян -помещиков; что русское правительство опутано крепкою сетью пронырливых, ехидных сплетений—как паутиною муха; что поляки умели везде возбудить и приготовить врагов России —даже в самых недрах ее; что она сама оттолкнула от себя сочувствие венгерцев, что русская знать и дворяне идут против самодержавия и династии, народ пойдет против дворян; будто и войско распущено и не надежно,—что страшная буря скоро разразится.

Поляки вполне надеются, что одолеть и уничтожить небольшую горсточку всех служащих здесь русских, истинно преданных России, и справиться с духовенством-слишком будет ими легко,—хотя духовенство еще ничем не заявило участие в их замыслах и архиереи, кажется, очень следят за этим.

На народ они тоже рассчитывают, они говорят: „куда баран, туда и овцы; народ всюду пойдет за панами и за нашими крестьянами латинцами; он теперь весь у нас в руках”.

Правительство не умело или не хотело воспользоваться удобным моментом и само секло народ за то, что он нам не повиновался. А мы стали к народу ласковее, добрее, - обещаем уступить ему участки поземельные, как дар, или за выкуп больше легкий, чем он теперь определён правительством русским; да будем постепенно обещать ему побольше льгот от нас, чем от русских, и они все нас послушают охотно; они все одного с нами духа; и мы им всегда твердим: „до Бога высоко, до Царя далеко, а до папа близко"... Сильно действует на народ угроза, что он вовсе не будет свободен, а будет разорен хуже казенных крестьян. Если бы он не поверил панам, то верит своему брату мужику из католиков, а те почти все за панов; и старшины, писаря, управляющие—из людей панам преданных.

ЧИНОВНИКИ.

Касательно чиновников, надо заметить: их здесь всегда старались иметь главных начальников не русских, а поляков; для них самое неприятное назначение—это назначение русского на какую ни будь значительную или влиятельную должность. Но более 3-х лет уже, видя к себе снисходительность и попущение повиднее, они употребили все усилия, чтобы подготовить то состояние умов, то

положение дел, которое мы видим теперь. И все это ускользало замеченным, а если иные и замечали, то гуманность прогрессивных. начал правительства заграждала уста каждому, которого тотчас-бы назвали отсталым *в* новейших политических и других идеях. Пользуясь всем этим, поляки составили общую связь для наблюдения за русским правительством; их полиция гораздо лучше нашей. Все, что делается и предпринимается правительством, в отношении к ним, —еще не получит официальной гласности, еще не дойдет по адресу, —а они уже все знают и против всего принимают свои меры свои подкопы и контрмины. У них везде и писец, и столоначальник, и выше, и выше, — все за одно - здесь в Минске мне даже евреи говорили содержание бумаг, едва подписанных губернатором и еще не вышедших из его канцелярии. Всякое сообщение по телеграфу, даже до шифрованных телеграмм, здесь вовсе не тайна для поляков, а также и для евреев—по делам их касающимся. А другого рода телеграф состоит из нити связей родственных между чиновниками, служащими в канцелярии губернатора и каждом присутственном месте в губернии. Везде родство, везде дружба, *везде разлит один элемент, враждебный России*[17] и всему русскому, пользующиеся послаблениями

[17] Курсив везде наш, — Д. С. Записки Мейера (Ред. Срынченко)

и поблажками не для того, чтобы - за добро переменить свои чувства, или чтобы пользоваться только лично выгодами своего положение или места,—но усиливающийся единодушно все доброе и недоброе обратить во зло России, во вред Русским. Нить связей этих проведена и в Петербург в департаменты министерств, сенат и другие высшие управление и в столичные, и в Киевский университеты, и в Варшаву, Вильно и пр. Это огромный союз сарматов против Славян. И тем глубже и сильнее эта связь, чем милостивее и снисходительнее правительство; *его добротой стараются пользоваться ему все во вред;* а теперь здесь уверяют, будто правительство русское делало и делает уступки не от могучего снисхождения, не от доброты и человечности своих начал, а будто от трусости, будто вынужденное к тому тайными пунктами трактата Парижского и боясь поляков и Европы, которая с своими журнальными статьями будто всегда готова быть за них, за их жертвы, за их геройства и постоянное стремление к свободе. Поляки очень что-то надеются на тайное и явное содействие Наполеона III-го и Англии; они часто выражают свои восторженные чувства к Наполеонам, *даже братаются с евреями не по влечению сердца, отнюдь нет; они их* едко *ненавидят;* а по глубокому расчёту: создать себе одним другом

больше, следовательно для нас больше одним врагом.

Мы, частные, люди, не знаем: было ли до сих пор правительству известно истинное положение умов и сердец в этом крае». Да и могло ли правительство знать это верно и основательно? Из памятной книжки и из других, мною собранных, сведений видно —

Служащих:	
• в канцелярии губернатора—66; из них православных—4, лютеран—1, магометан—1; • в губернском правлении на 131 православных—8, лютеран—1, магометан—1; • в камере губернского прокурора—7; из них православных—1; • приказе общественного призрения—16; из них православных—9; • в дворянском депутат собрании—31; из них православных— 1; • казенной палате (во всей губернии) 235; православных—4; • уголовной (во всей губернии) 45; православных- 1; • гражданской (во всей губернии) 46, православных—1; • палате госуд. имуществ (всей губернии) 110, православных—7; • губернской гимназии (во всей губер.) 32, православных—2; • минской город. полиции—30, православных—2; • минском уездном съезде—14; православных—1.	ОСТАЛЬНЫЕ - ПОЛЯКИ

http://aspects.su/

Служащих чиновников:	
• минском магистрате—12; из них православных—2	остальные поляки.
• комиссии народного продовольствия, • губерн. почтовой конторе, • земском суде. • городовом остроге и в городской думе.	Ни одного православного

Из 864 служащих, только 43 чиновника преимущественно низших званий и около 100 писцов—православные (в том числе есть униаты, магометане и лютеране); остальные все поляки. Что же после этого значит цифры хотя бы миллионные о православных (крестьянах, где много униат), числящихся по ревизии в губернии.

Что русские здесь ополячиваются, совершенно, в особенности женатые на польках, это не подлежит сомнению. Как один из многих тысяч примеров приведу: 26 августа был я в соборе у обедни и молебствия. Священник говорил проповедь. Возле меня один из чиновников, русский, слова священника истолковал соседу своему, тоже русскому, *по-польски.* Вообще в немногих русских домах здесь слышится русский говор. Недавно в воскресенье

шли днем из дому в собор к обедне две девицы, православные - дочери советника. 0ни были одеты по-праздничному, не в трауре.

Им из окна одного дома поляки закричали обидные слова а облили их нечистотой. На вопрос губ. жандармского штаб-офицера, по городским об этом слухам., — „правда ли это?" отец их отвечал: правда. —„Вы "жаловались?"--„Боже сохрани! Чтобы мой дом сожгли и еще хуже обидели моих дочерей! Я знаю поляков, с ними вырос и вот начал стареться: я знаю и теперешнее время —и от того жаловаться не стану".---Начальница девичьего пансиона не повела девиц в костел на манифестацию, ей выбили каменьями все стекла в окнах, вкинули гадкие пасквили, навязанные на каменьях, а жаловаться она не смела и стала водить девиц в манифестации. Генерал из Варшавы в сентябре писал сюда своему приятелю; „у нас анархия растет ежедневно, и ежели не переменят системы вредных поблажек и напрасных снисхождений, —то. через 2—3 месяца нам надо будет подумать о защите наших древнерусских границ. „Все против нас. *Ксендзы даже через своих любовниц и через женщин развратниц подстрекают народ,* который и без того в высшей стеснении наэлектризован возмущениями и проч...

http://aspects.su/

Здесь, когда сделано распоряжение, чтобы местные *полиции* доносили о случающихся движениях и происшествиях обо всем, что имеет вид политический, *исправники и становые* испрашивали у коноводов польского движения—своих могучих патронов, —разрешения, о чем именно им, доносить и о, чем *не доносить.*

Костел Бернардинский был недавно в свою очередь позорищем ночных оргий, рева, безумных криков, исступленных нам проклятий. Когда вечерни (нешпоры) близились к концу, начинались пение гимнов, надававшие докончить служение по чиноположению, заглушавшие и пение двух хоров и орган, игравший во весь гром своих труб. Из несчастных двух полицейских одному отдавили каблуками ногу—конечно нечаянно (?!), будто мимоходом—а другого сжали и надавали ему таких толчков под бока, что тот едва добрался до полиции и там отдохнул. Молящиеся (?!) гасили свечи в впотьмах неистовствовали, заглушив орган своими криками и воплями и даже (достойное довершение таких молитв!) слышались быстрые вскрикиванья испуганных какою-то неожиданностью, (!) женских голосов: „ай ай!.." Клики эти, верно, не были написаны ни в стихах, ни в нотах гимнов...

Беспорядки в Пинске— равняются Минским, Новогрудским и Слуцким, если не превосходят их. В Слуцке недавно в жену казачьего офицера, шедшую по улице не в трауре, бросили камнями и порядочно ушибли ей руку. Здесь сегодня 21 окт. прибили частного пристава в самом костеле Бенедиктинском; квартальный едва убежал. Пристав сам хлопочет замять дело. (Дали ему 100 руб. и новую шубу). Говорю обо всем атом мимоходом, вовсе не думая исчислять всех подобных происшествий

Вообще здесь всякий предпочитает быть против правительства, чем за него. От чего же это? От того, что довольно здесь кричать и бранить Россию и все Русское, чтобы „sefaire une position" в здешнем обществе. А ежели кто сделает вред России значительный и преступление по службе в пользу поляков, тот вместо наказание может быть уверен в получение лучшего места, в жаркой протекции ему всей польской партии, —тогда как действующие против нее—могут ожидать всех возможных неудач и даже несчастий. На днях особенно поразил нас вот какой пример: *губернский почтмейстер принимал* заведомо *и рассылал тысячи прокламаций;* в его конторе задерживали и подпечатывали письма; даже взрезывали конверты из 3-го отделение к жандармскому штабофицеру; пересылали подметные письма и

http://aspects.su/

пасквиля; беспорядок во всем Управлении был невыносимый. Даже начальник губернии просит о замене его другим, ссылаясь и на бездарность и нетрезвость его. Можно бы подумать, что такого чиновника вовсе нельзя держать на службе, —а ему дали одно из лучших почтовых мест в России. „Вот как поддерживают наших против правительства!? кричать здесь поляки... и нельзя не согласиться с ними. Самый жалкий писец, отребье канцелярства, тотчас бывает принят с почетом, и помощью денежною, в лучших домах. *Председатели, предводители рядом с шляхтой,* мещанами *и гимназистами,* все, кто только поляк и все польки,—все здесь *поют гимны об избавлении от Русского ига,* читают акафист о ниспослании всеобщей войны, молят о кровавой нам мести; все *в трауре,* как при общенародном бедствии, а *ксендзы прекратили установленные молитвы о Царе,* а каждая копейка собирается беспощадно,—и отдается если и со вздохом, то с глубоко затаенным—и беспрекословно. Все это идет на „алтарь ойчизны". Деньги эти собирают здесь известные лица; *один из них—родственник и друг полицеймейстера, жена которого и вся родня воодушевлены самыми недружелюбными чувствами к России*", и не одна эта полиция; городская и земская—на такой же лад. Поэтому и сбор денег и продажа возмутительных

сочинений и символических знаков, и тайные литографии, и приезд и выезд эмиссаров, даже принимавших массы заказов оружие на „повстанье", и все, что должно знать чрез зоркую расторопную преданную полицию,—все это шито-крыто, и правительство знает далеко не все то, что надо бы знать. Все боятся сказать истину, чтобы не узнали о том поляки: „беда, как их раздражишь! А против них защиты не сыщешь". Это здесь общий голос.

Идея о правительстве относительна: для министров, для образованной публики она не та, что для массы народа, который видит правительство в городской и земской полициях, до последнего их десятника. Правительство на массу народа действует через своих агентов. Кто же здесь агенты, проводящие мысль, правительства и действие закона в массу народа? *Какие* здесь *чиновники городских и земских полициях?* Эго большей частью поляки, из которых иные были замешаны официально и не немного в прежних возмущениях; подпавшие каре закона, Бог весть какими путями попавшие опять в службу, да еще на беду нам в полицейскую, и о которых, глядя на их русский мундир, нельзя не сказать, как о змее (да еще у нас за пазухой):

http://aspects.su/

„Хоть ты и в новой коже,
Да сердце у тебя все то же".

Престранное положение людей: берут жалованье от правительства, против которого действуют с самым ярым озлоблением.

Не имея полиции дельной и преданной, нельзя ничего сделать с массой народа. Вы пошлете через исправников и становых распоряжение в пользу России, —а этот люд живет только на том, чтобы сделать, перетолковать все во вред ей. Какие же теперь у нас верные пути для действий на народ для передачи ему своих идей сочувствия и распоряжений? Стоить ли говорить, что делают исправники, городничие и становые отдельных уездов, когда здесь под глазами, *Минский исправник* ни разу не донес о пении гимнов и акафиста в костелах и *домах предводителя* и других значительных помещиков, где сам бывал при том; когда он же, командированный захватить более 50 писем, посланных не но почте, а через особого еврея (однажды в Минске уже пойманного обходом и сданного в Минскую полицию и выпущенного с письмами за 10 золотых) привез 5 или 6 писем всего, самых безвинных, а остальных не взял. В Гайно повезли из Минска гимн спеть его в первый раз в костеле и раздать

народу. Это было так не тайно, что посланы были следом за 3-мя фурами, певцов—волнователей, здешний становой пристав и квартальный. От них обоих не получено никаких, сведений.

Выше сказал я, что нас винят в полумерах. С этой точки взглянем на несколько последних распоряжений.

ПОЛИЦЕЙСКИЕ СУДЫ.

1. Принцип их кажется не совсем додуман. А к тому, здесь председатель суда—уездный судья, —следовательно занят и другими делами, и оттого дела о певцах тянутся очень продолжительно. Он сам певец— и оттого приговоры его самые потворственные, соединяющие три проступка в один; и нет оскорблений и преследований, которых бы не вынесли в этом суде те чиновники— квартальные, особенно из православных, которые, исполняя честно и справедливо долг службы, решились назвать, кого, видели, кто при них пел. Их заставляют присягать каждый день беспрерывно о каждом певце и требуют от них присяги в том, что они слышали, как те господа и барина пели именно такие слова гимна.

http://aspects.su/

В Минске, чтобы сбить с толку свидетелей, полицейских чиновников, уличающих в пении запрещенного гимна, придумали: некоторым из молящихся в костеле, под напев гимна петь слова какого-то псалма и делать это так, чтобы чиновник полиции непременно видел, что обвиненный им пел вместе со всеми в лад и в один голос; но издали, конечно, нельзя верно расслышать, какие именно слова тот поет, а видя явное пение того лица, полисмен обвиняет его. Суд требует присяги в самых словах, петых обвиненным. Квартальный отвечает, что видел, что обвиненный пел на коленах вместе со всеми, когда все пели гимн; ясно слышал даже голос поющего, но не мог расслышать каждое слово им пропетое, что этого в общем хоре и реве стольких голосов, при громе органа, никогда верно расслышать невозможно, но ничего же другого во время пение гимна нельзя петь, как только этот гимн. У обвинённого готовы свидетели, что он гимна не пел, а пел безвинный псалом; и общий хохот суда и обвиненных совершенно смущает обвинителя, а суд освобождает призванного по недостаточности доказательств к его осуждению). *Суд* этот, благодаря правилу присяги квартальных, сде*лался для поляков чем-то в* роде *кукольной комедии,* куда они идут, как на спектакль для осмеивание бедных полисменов, дерзающих быть

верными своей обязанности. Приговоры суда все к minimum, уплаты и даже бедняки смеются: за них платить все общество из собираемых „на ойчизну“ денег, а также и кормить отлично, на общий счет тех, кто посажен под арест по общему делу против правительства. Свидетельство на полицейских— ведет их прямо под ноги толпы. Посаженные под арест два первые певца во все время ареста во все горло кричали этот гимн и, выходя, сказали сторожу: „топи комнаты; мы скоро опять придем. Тут нам хорошо; а вот братьям нашим в Варшаве было плохо, когда они там проливали свою кровь", и выйдя из-под ареста, они действительно, опять отправились петь гимн во всех костелах.

Полицейский суд, в том виде, как он теперь, не достигает своей цели, не воздерживает от пения, не отягчает взысканиями виновных, осмеивающих правительство,—угнетая и оскорбляя только православных квартальных, а частный пристав-поляк, сначала вместе с квартальным показавший, кто пел, отрекся от показания; те несправедливо оправданы, а он освобожден от присяги. При трех дневных панихидах о Фиалковском, во всех здесь костелах пели тысячи человек и за обедней, и за вечерней. Не легко заметить всех, а еще труднее присягать против каждого из обвиненных.

http://aspects.su/

Следовательно, полицейский суд - полумера и по учреждению, и по составу, и по приведению его в исполнение. Многие сомневаются: можно ли оправдать его и с нравственной точки. Правительство, говорят поляки позволяет нам петь против его власти, молить Бога от избавления нас от ига Русского Царя, о наказании и о мщении русским, —только с уплатою 10 руб. с. за такое торжественное им заклятее. Неужели это не хуже штрафа, уплачиваемого тем, чью личность оскорбили? Тем закон запрещает оскорбление, и наказывает за нарушение закона. Здесь (все это говорят поляки) нам позволяют петь как в опере, только с тою разницею, что там платят певцам, а тут, забывая, какое глубокое нравственное значение имеет пение этого гимна, правительство требует, чтобы ему платили за право петь против него все, что нам вздумается, платя дешевле, чем за ложу в итальянской опере, и пением этим достигая предположенной нами цели. Допуская однако, что это только fason de parler; что учреждение это могло бы быть очень тяжелым,—именно потому, что может налагать огромный разрушительный штраф; что гимн не имеет религиозного значения, когда его поют не как молитву, а как Marseillaise, как революционную демонстрацию, превращая церковь в клуб красных, —нельзя не сказать, что если бы это были

особые суды не при уездных судах, а в каждом уездном городе, при другой полиции, составленные не из здешних тоже поющих личностей, с апелляцией не далее губернского города; приговаривали бы к штрафам самым значительным, распространяя и на женщин-запевал более значительных немедленное арестование, а после 3-го раза вывоз в Польшу, или на Амур,—тогда бы можно было видеть пользу от этой меры, а теперь—пользы пока еще никакой не заметно, но вреда довольно.

МИРОВЫЕ ПОСРЕДНИКИ, ПРЕДВОДИТЕЛИ ДВОРЯНСТВА, ВОЙСКО.

2. Предоставлено увольнять чиновников неблагонадёжных... а кем их заменить? Яна заменить Казимиром? Казимира Юзефом? а и тот, и другой—один хуже другого. При том отставлены были от службы несколько коноводов пение и распространители волнений и гимнов. Если бы их выслать в Царство Польское или на Амур,—другое дело; а, здесь, оставаясь -в праздности—они нашли пути к мягкости патриотического сердца полек заступниц, те упросили начальников, и этих молодцов опять, по поручительству и ходатайству, зачисляли на

http://aspects.su/

службу .. Разве это не полумера? Ведь они опять поют и волнуют еще усерднее, еще злее.

3. Велено обезоружить край. Становые и прочие полицейские представители правительства, объявляя эту меру, сами предлагали владельцам: все годное оружие спрятать, а им сдать дрянь, никуда негодную. Следовательно, и эта полумера[18] столько же вредная.

К слову, об оружии: во Франции и Англии поляками и венгерцами сделаны заказы оружия в огромных массах. Если бы у нас были агенты наши, верные и дельные во Франции и Англии, то можно бы узнать, куда, сколько и куда именно намерены тронуть с места и препроводить это оружие, а здесь уметь подстеречь и захватить его во время,—если даже оно и отправлено уже с места. Сначала В. потом Ch. Д.... сами были здесь и приняли эти заказы. В., прощаясь, сказал, что он вернется с этим оружием не иначе, как на гибель русских. Ch. Д... с товарищем жили в девичьем пансионе С. Паспорта их, сколько мне известно, по справкам в полиции, не были здесь прописаны, а товарищ его был Н...— из лиц замешанных в прежних смутах, отданный под особый надзор полиции, которая и до сих пор, уже 3 год, показывает его

[18] Это говорил мне граф Ч.

в ожидании прибытия. Они ездили по уездам и принимали заказы на оружие. У бывшего тогда здесь полицеймейстера, у губернатора и у генерал-губернатора есть превосходные штуцера и револьверы фабрики Д... Мицкевич приезжал сюда с одним из будущих полководцев восстание (другой кадровый командир в Новогрудке): они первые (говорят) привезли сюда en masses прокламации Мирославского. Этого, конечно, никто не знал. Кто скажет? Как узнать? Хотя поляки здесь давали особый почетный обед, говорили много зажигательных речей, пили много разных тостов и наконец жестоко избили одного русского чиновника, случайно туда заглянувшего. Один торговый дом в Гамбурге требовал печатно через газету „Виленской Курьер" сообщение ему адресов здешних чиновников и помещиков. Через ловкого чиновника посольства нашего, или через верного агента должно бы тайно и осторожно узнать в Гамбурге: для чего торговый дом Гаузенштейна и Фоглера требовал этих адресов и приглашал обращаться к нему для дальнейших разъяснений.

Вообще здесь и аристократы, и дворяне, и чиновники -поляки, стремясь всеми силами к осуществлению восстания, все еще не знают: на чьей стороне будет перевес; и только потому еще отсрочены здесь проявление

слишком ранние и слишком решительные; но все готовится, ждет общего сигнала общего восстания.

Коноводы движения, принявшего маску религии, рассчитывают по верной дилемме; ежели на пример, мы будем петь революционные гимны и станут за это нас наказывать, разгонять оружием, мы, хотя бы и были малочисленнее, но будем иметь право вызвать стычку в роде варшавской, или хоть Виленской, и тогда же попадем в ofiary (жертвы) за ойчизну, за нас будут все молиться; нас станут прославлять, всюду продавать и носить наши портреты и дело нашей свободы и сочувствие к нам очень подвинется. Если же русские побоятся поступить с нами строго (они все приписывают нашей боязливости), то мы при таком явном их бессилии будем каждый день все больше и больше вербовать народу и в певцы, и в кадры,—и все таки дело наше подвинется. Конечно, было бы лучше, если бы правительство не мешало нам; на это его надо направить; тогда и народ весь будет видеть, что правительство не преследует нас, будто само оно не прочь от наших целей, и тогда народ всей массою пристанет к нам; а мы, между тем, поведем наше дело далеко вперед, приготовим кадры, вооружим всех материально и политически против русских,—и когда те хватятся за ум,—будет уже

поздно... наше дело будет уже сделано и докончено (Слова Мирославского).

Мировые посредники, полные самых немирных к нам чувств, стараются прибрать к рукам побольше власти чтобы удобнее распоряжаться массами и формировать кадры, а между тем всячески затруднить крестьянам выкуп земли и обращение их в собственников. Рвение их в пользу ойчизны дошло до того, что на последнем съезде формально рассуждали, что служа по выборам, они не должны брать жалованье себе, а оставляя le strite necessaire для содержания канцелярии (около 300 р.), остальные пересылать в Париж на издержки повстанцев для повстанья народного. При том они назначили депутацию требовать от губернатора удаление члена от правительства в уездных мировых съездах Минского, Борисовского и Игуменского уездов, потому что тот не на их стороне, а дурно замечен ими, как преданный русскому правительству. Только участие одного родственника губернатора мирового посредника из их числа—отклонило эту депутацию; но мировые посредники хотят решать дела без приглашения этого члена в свои совещания. Предводители дворянства стараются стать предводителями повстанья и уже вместе с посредниками пытаются ввести *в* официальное в переписках между собой

http://aspects.su/

делопроизводство вместо русского польский язык, причем посредники подписывают sedze pokou (мировой судья).

(Это говорил мне Г. Гатовцев Пр. П. Гос. Им.). Сельские Продовольственные магазины далеко не полные. Помещики по разным своим соображениям значительно опустошили их. Хлеб здесь, что день дорожает, а многие помещики еще на корню запродали хлеб скупщикам за границу и тем евреям, которые выжидают движение и требование хлеба за границей, надеясь дождаться хороших цен и здесь при восстании весной. Охотников на поставку провианта в казну—здесь нет; На базаре партий хлеба не является; мужики, с которыми я разговаривал, громко ропщут, что папы забрали много хлеба из запасных магазинов, а свой распродали; крестьянские их запасы едва хватят им на зиму, а к весне придётся, хоть голод терпеть. Посланные губернатором чиновники мешкотно оглядывались, сговаривались, и ничего еще не сделали; а если понадобится на экстренное продовольствие или на посев, — истощение запасов магазинных и распродажа урожая за границу очень затруднят правительство в случае восстания.

Собирая деньги на повстанье за ойчизну, поляки, исполняя завет в воззвании № 1 им

данный, обирают, выменивают все серебро и золото вывозят их во Францию, стараясь всячески о всем ставить правительство в затруднение. Кроме того, они вывозят из этого края и даже из дальних губерний России множество лошадей в Польшу для будущей кавалерии и артиллерии. Таких лошадей много заготовлено и в Новогрудском уезде. Здесь и везде, много молодежи учится ездить в шеренгах, заезжать во фронт, и вообще приучаться к делу военному, —каким дано наставление в воззваниях № 1 о приготовлении кадров. Даже спроста, не догадавшись, наши казаки за полтинник в час, начали сами на своих лошадях обучать здесь полячков ротному казачьему строю. Дружески, с глазу на глаз, вовсе не официально и даже не разглашая этого никому, даль я совет дивизионеру приостановить выучку супостатов. Если это приостановилось в Минске, повсюду это продолжается не мытьем, так катаньем, —если не казачки учат, - так отставные кавалерийские солдаты и офицеры. Каждую глупость студенческую, каждый малейший промах кого ни будь из русских, каждый слух даже будто о неблагонадежности гвардии, на которую будто не могли положиться даже при ералаше студентском,—здесь разносится с истинным восторгом; волнения университетские делают очень знаменательными, уверяя что это идет от их

http://aspects.su/

детей, которых, как ловкие пружины— они водворили между студентами русских университетов, и что это волнения юных умов, начавшись при умении и удаче поддержать их, как искры будут раздувать, пока не вспыхнет огромный пожар; пока все эти сначала мелкие вспышки окончатся общим страшным взрывом, — когда придет вожделенный миг для объявления: пусть будет Польша! (Воззвание N» 3).

Наконец, еще брошу мелкую заметку: защита края вверяется войскам; тут теперь надо очень смотреть: каковы здешние войска наши. Калужский пехотный Е. -В. короля Прусского полк долго стоял в Варшаве. Офицеров и нижних чинов здесь много из поляков. Командир полка (слишком отличный хозяин) говорил мне, будто почти 1/3 полка у него поляки. Есть офицеры, слишком много и зло говорящие против правительства.

Юнкера—распущены, служба и дисциплина—оставляют многого желать. На артиллерийских офицеров-поляков и на их друзей, и на фейерверкеров надо обращать особое внимание. Лучше всего перевести сюда надежных русских офицеров.

Пути здешних водяных сообщений тоже в руках людей слишком сблизившихся и сдружившихся с поляками. Надо обратить также внимание на состав провиантского и комиссариатского ведомств до вахтеров и до врачей и прислуги госпитальной.

http://aspects.su/

ЧАСТЬ II-я.

Внутреннее состояние и настоящее положение дел и умов в Минской губ. далеко не так успокоительны. Все приготовляется к восстанию с жаром и энтузиазмом, распаляемыми из Варшавы, через предводителей и вожаков, — искусно „прикрывающихся, не дающих нашему глазу это заметить, потому что всякий, занимается своим обычным делом в обыденной жизни и действует по наставлению, чтобы тайно была соблюдена для успеха дела[19]. Но все с лихорадочным нетерпением ждет весны, —как общего лозунга к общему восстанию, ждет первого знака, условного сигнала, чтобы восстать, по выражению воззвания[20]. Как один исполин, чтобы разом подавить и уничтожить горсточки русских, изолированно рассеянных кое-где; овладеть казначействами, оружием арсеналами; словом, сотворить Варфоломееву ночь[21],

[19] Воззвание № 1.

[20] Воззвание № 1

[21] Выражение это „ту бендзе, бендзе Борлемики ноц“ слишком часто повторялось здесь; оно часто подмечено у гимназистов и молодежи в оргиях и кутежах, не раз в хмелю говоривших об этом, у дев известного рода. Какая это ночь? спрашивали их иные, не понимая. „Это ночь будет на наш велик день," с усмешкой объясняли им, делая каламбур из слов великий—день, однознаменательного со светлым воскресением.

провозгласить Великую Польшу на месте варварской Московии.

Все усилие поляков клонились здесь к тому, чтоб завладеть окончательно администрацией края, которая и без того уже почти в их руках[22]. Они старались и стараются, тайно, незаметно, но ловко, направить все так от высших точек нашего управление и до самых мелких местных личностей, чтобы опасные им власти и силы воздействовали, или были парализованы разными ловко придуманными затруднениями и препятствиями. Они желают, чтобы в момент восстания, сколько возможно неожиданный, и который бы застал нас врасплох, Россия имела здесь или, людей, которые перейдут на их сторону, или неспособных к делу и дельной энергии, или людей совершенно новых, только что с восстанием прибывающих на места, незнающих ни края, ни его людей, ни его средств ни особенностей, которые добросовестному человеку надо изучать, чтобы знать, как и что употребить, что предпринять и за кого взяться в минуты тревог и опасности.

Если же бы могли бы стать поперек их дороги личности для них опасные, могучие, деятельные,—то отстранить их, даже

[22] Воззвание №6

уничтожить,—не щадя ничего и никого. Духовенство разрешило все, — и клятвопреступление и всякого рода смерть русских патриотов. Они старались и стараются скрывать сколько возможно долее все замышляемое, и, пользуясь всеми путями, всеми тайными и явными пружинами, всеми прижимочками, и уловочками, всем здесь хорошо известными, никак не допустить до введение здесь военного положены; напротив всячески стараться, ссылаясь на теперешнее kuazi затишье (перед штормом), чтобы войск не вводили более; и тем дать восстающим возможность Минскую губ. обратить в пункт Wybucha,—начало ядра восстание в западных губерниях; для чего у них должны тайно заготовляться склады пороха и оружия.

Минская губ. имеет несколько важных стратегических пунктов; Минск, г. имеет Пинск с Припятью (река Припять) с двумя каналами, с весенним огромным и всегда (до зимы) удобнейшим водяным сообщением с таким складочным местом хлеба, с которого во время крымской войны тайно продано (т. е. тайно от правительства, но не тайно ни для кого) на продовольствие неприятельской крымской армии и за—границу несколько сот тысяч бочек зернового хлеба, которым, сами голодая, мы сыто кормили наших врагов.

Через Галицию или через Царство Польское, где и откуда окажется удобнее в минуту начинания, где будут назначены пункт и время решительного взрыва (Wybucha) страшный (говорят поляки) иностранный легион, сформированный из самых отчаянных поляков, проберётся к Пинску через Кобрин и к Мозырю (находящимся в связях с волнуемою Волынью), в Пинск и Мозырь направят запасы общего вооружение до нарезных пушек (для которых здесь уже тайно начали заготовлять лафеты); там же заготовлять продовольствие, продовольственные запасы и оттуда, одновременно с Слуцком и Новогрудком, где заготовляют множество лошадей под артиллерию и кавалерию, организуемыми теперь кадрами восстание двинутся на истребление русских и правительства их, на очищение от них всей Минской губ.—довольно центральной для плана их линий от Смоленска до границ собственно Польши, и от остзейских провинций и до Подолии, довольно слабой в военном отношении,—дурно защищенной русскими войсками, прилегающей к границам 7-ми окружающих, ее губерний и по подготовке многих средств и лиц, соединяющей элементы чрезвычайно сподручные и полезные полякам.

Ежели тайные планы их в отношении к Минской губ. будут предупреждены и

http://aspects.su/

опрокинуты, они будут очень затруднены выбором другого (менее для них выгодного) пункта, особенно, если меры предосторожности наших будут повсеместны и энергичны. Ежели же бы им удалось вывести войска, теперь придвинутые в Минскую губ., то Wybuch восстания свершится непременно здесь и очень легко. Если же войск не выведут, а занять им - пункт и разом поднять весь край будет невозможно,—то как теперь войск наших здесь немного для таких огромных и труднопроходимых пространств, у них задумано сделать так: сперва вспыхнет мятеж в самом отдаленном краю от места расположение какой—ни будь значительной массы войск... туда, конечно, пошлют команду; когда она придёт и поляки увидят, что по немалочисленности и неоплошности они истребить ее или переманить к себе не смогут, то все затихнет так, что нечего там делать команде; а в тоже время возмутятся жители на довольно далеком расстоянии от этой команды. Конечно, команда пойдет туда, где мятеж,—оставя всегда часть то больными, то отсталыми; там повторится таже проделка— для того, чтобы маршами и контр-маршами изнурить наши войска, разрознить их, тем ослабить все и каждую часть, и тогда разом уничтожить по клочкам. Удобство комплектование и подложность восстание и наши

неудобства в этом отношении очень ясно определены в воззвании №1.

Команды воинские не могут двигаться иначе, как имея ночлеги и постой у обывателей, вовсе еще не возмутившихся. Тяжесть постойной и подводной повинностей особенно весною в рабочее время, трудность продовольствия, увеличенные неимением запасов в сельских магазинах и всевозможною распродажей хлеба за границу и аферистам евреям,—все эти обстоятельства будут употреблены для того, чтобы возбуждать остальной народ, утомленный повинностями, и вселять в него, если не открытый бунт, то, как приступ к нему, побольше ненависти к русским.

Мы рассчитываем между прочим на Варшавскую железную дорогу, как на важное пособие во всех отношениях; а многие верные люди говорили, что она считается в руках французов, но что очень многие из служащих на ней только носят фамилии французские, а они—поляки и сыновья эмигрантов, живущих во Франции, и только ждут момента, когда, вместо помощи, сделают невозвратимый вред. На это надо обратить особое внимание.

Имея все это в виду, прежде всего, надо, соображая весь ряд последствий для России, для

http://aspects.su/

ее западных областей, для ее западных и юго-западных границ, решить положительно, желает ли правительство сохранить целость и неприкосновенность этих границ, зависящих от не восстановления Польши, или допустить вновь независимое самостоятельное существование Царства Польского, и тогда, поневоле, отдать ему требуемые им наши губернии; а отдав губернии, отдать в них и веру и все русское в переплав на польский лад. Если справедливо, что Россия, которую не узнают другие нации в ее новейших проявлениях нерешительности и как, бы бессилия; если Россия, как уверяют поляки, столько ослабела и материально, и духом, что не может противостать стремлению сил и духа Польши: раз возникнув, как держава самостоятельная, не перестанет домогаться достижения своих целей, к которым ведут ее вожди ее,—не перестанет стремиться к тому и бунтами и оружием, и союзами и извилистыми дипломатическими путями, пока не отторгнет алкаемых ей областей, и тогда, сделавшись государством самостоятельным и сильным, постарается отмстить России за столько лет подвластности; если действительно борьба Польши с Россией будет бесконечная, и тем бесконечнее, чем Польша больше усилится, если это будет, как поляки решились, борьбой на смерть и до совершенной политической смерти

одной из них, потому что Польша поклялась ничего и никого не щадить на пути к своей государственной самостоятельности и в этом до сих пор выказывает гораздо более постоянства и настойчивой энергии, нежели мы в недопущении ее до этого и в защите своих прав; ежели мы видим, что слабейшие южно-американские штаты чуть не одолели север не многочисленностью, а энергией и умными военными и диктаторскими распоряжениями, —то мы должны, говорю я, не медлить более, чтоб не навлечь на себя упрека, делаемого северным штатам, должны прежде обсудить все это, сообразить основательно: под силу-ль нам борьба; довольно ль у нас на то всех необходимых средств и денег; и потом решить: Россия отдаст ли Польше 9 областей и более того — все, что поляки требуют?... или ни за что не сделать этой уступки, ни за что—я повторяю; и взвесив основательно все соображения, сама - в свою очередь решится на усилие необыкновенные, но необходимые,—чтобы разом подавить все мятежное, всякую попытку восстания и через это хоть на $^1/_4$ столетия опять быть покойной, и в это время действовать хотя снисходительно, но тверже и решительнее прежнего; действовать больше в пользу русской народности и русской веры,—до той норы, когда эта народность и вера смогут ужиться с верою и

http://aspects.su/

народностью поляков,—на основаниях, не уничтожающих России.

Все здесь теперь в недоумении, не могут постигнуть цели России. Поляки сбросили всякую маску. Они не хотят иметь над собою власти русской; не хотят этого твердо и решительно; и каждый шаг их—есть шаг вперед, ксендзы не молятся больше за царя русского; польский народ молит Бога об уничтожении нас, врагов его; молит, чтобы Бог покарал не только нас всех, изображающих меч в руках Царя, но и руку держащую и направляющую этот меч[23], Они не чуждые волнений молодежи, проявляющихся в сердце России, заготовят кадры, оружие и порох; они готовят общее поголовное восстание, и не скрывают этого в принципе, а только до поры, до времени скрывают все свои материальные средства. И когда все это созреет и будет готово, особенно же, когда они увидят, что им можно сочетать—свое восстание с восстанием Венгрии и других славянских племен,—тогда разом, как один исполин, подымутся они и постараются, обрушившись на русских, рассеянных здесь кое-где, изолированных, слабых, задушить и уничтожь их.

[23] Смотри в приложении

Что же мы делаем? Сколько известно (говорю „сколько известно" потому, что многое нам здесь НЕИЗВЕСТНО), все действие наши вялы, не дружны и более всего направлены к послаблениям, к допущениям оскорблению нашего имени, нашей власти, наших войск, нашего Царя, словом к ниспровержению всего русского[24].

Общие слухи здесь беспрерывно и постоянно ходят: Горчаковым и Коцебу были недовольны будто за строгость их; Сухозанета заменили Ламбертом будто потому, что Сухозанет стал слишком строг; Ламберт сменен будто за то, что осмелился прибегнуть к мерам строгости; Гирштенцвейг будто поплатился жизнью за твердое направление им принятое.

Опровержений мы не видим, не знаем, только говорят, что из Варшавы позволено выезжать всем русским семействам и дают им прогоны на переезд их на родину. А поляки говорят, что никакие льготы и милости русского правительства не заставят их отступить от окончательного их намерения: „выгнать русских" и объявить „Да будет Польша!" Даже при неудаче, если он будут подавлены и в этот раз они засчитают это восстание испытанием,

[24] Писано в последних числах октября 1861 г.

http://aspects.su/

до какой степени дошел их дух единства и независимости, и эту неудачу признают этапом на пути вперед к вольности к независимости, воззвание №1.

Ежели мы имеем в виду уступать и отступить, то надо и отсюда дозволить заранее выбраться семействам русским, чтобы не оставить их на жертву буйного, народа, бешенных гимназистов и неистовых канцелярских служителей.

Ежели пора выйти из бездействия, если правительство, наконец, разрешит общее недоумение к захочет подавить восстание и не дать отторгнуться своим областям, отторжение которых останется не без влияния и на юг, то я полагаю не бесполезным, в обсуждении общих мер, — указать на следующие средства противодействия, которыми не должно медлить, а действовать быстро и энергически, потому что теперь мы здесь дошли до такого положения, что всякая проволочка и полумера могут быть опасны.

1) Если возможно, то объявить окончание срока для полного освобождение крестьян в западных губерниях, не ожидая двух лет; если же, по общим государственным соображениям, такой меры для одних западных губерний

допустить было бы нельзя,—то не признано-ли будет возможным объявить, что русское правительство, не заметившее неблагонамеренные действия, склоняющиеся к мятежу помещиков поляков, дарует крестьянам землю в надел им назначенную, без обязанностей выкупить ее от помещиков; а правительство само выкупит, уплачивая помещикам выпуском 5-и или хотя 6-и процентных облигаций, с зачетом в уплату, долгов этих помещиков Опекунскому Совету. При такой мере, доплата правительства помещикам будет очень невелика, а помещики ещё многие останутся в долгу у Совета. Наконец, если бы эту мысль нашли неудобною, то придумать другую меру, достигающую еще лучше этой же цели[25], но главное действовать безотлагательно и, чем скорее, тем лучше. Такая мера может иметь следующий результат: крестьяне поймут явно, что они делаются собственниками по милости русского правительства, а не по милости своих помещиков поляков, следовательно вопреки полякам и их целям. Тогда они выйдут совершенно из-под зависимости, — а все помещики и посредники теперь только к тому и стремятся, чтобы усвоить себе как можно больше власти и прав, по

[25] Наприм.: выкуп земли от правительства, уплачивая помещикам не капитал по слишком возвышенной ими оценке земли, а только % с погашением в течении определенного срока.

закону русскому, а потом обещаниями постепенных льгот —привлекать к себе и удерживать крестьян на своей стороне антагонистами правительства. При этом должны уничтожить все притязание на долги крестьян помещикам; долги, давно оплаченные их трудом, возведенные большей частью произвольно и с одной целью—иметь в своих руках крестьян. Во всяком случае крестьян помещичьих в отношении их податей и проч. должно непременно и безотлагательно сравнить с крестьянами государственными, чтобы не было между ними разницы и предмета для невыгодных сравнений, а следовательно, для ропота.

2) Не только предоставить начальнику губернии сменять неблагонадежных чиновников (потому что сменив, он часто не имеет кем заменить их), но из России прислать сюда председателей палат и их товарищей, в особенности губернского прокурора, преимущественно из окончивших курс в училище правоведения, и в лицеях, из известных своим бескорыстием; (а то здесь из уст в уста ходит самая неприятная польская песня о том, как москаль прибыл из Московии гол, как сокол, а здесь крючкотворством и разными мерзостями нажился и застрахован от всякого преследования). Не представится ли возможным из оставшихся за штатом благо надежнейших чиновников, по

ходатайству начальника губернии о замене увольняемых, определять русских, хорошо образованных, опытных, известных честными правилами, которые не дали бы полякам права позорить имя русского чиновника. Лучше назначать из женатых и семейных: они не легко подпадают под влияние полек, не женятся на них, а при удачном выборе, могут составлять в губернском городе русское общество, которого здесь не бывало. В этом обществе явится русская молодежь, жизнь ее станет облагороженнее, разумнее, не ополяченная; общество будет свое, которое разольет чистый русский элемент и свое влияние; им будут дорожить; поляки станут заискивать в нем, а не кичиться полячеством и пренебрегать русскими, как теперь.

В канцелярию губернатора прислать, по представлению его, хотя нескольких молодых людей, окончивших с отличием курс наук в Казанском или Харьковском университетах, где студенты слишком поддавались влиянию товарищей поляков, именно туда посланных не для учения, а для увлечение их, и действующих по программе давно им данной, обдуманной здесь, и в Польше, и в Париже их отцами.

3) Обратить усиленное внимание на духовенство здешнее, на воспитание их детей; устроить

http://aspects.su/

женское для них училище в губернском городе. Семинарию преобразовать безотлагательно и обдумать меры касательно уменьшения вреда от касты пономарей и дьячков. Уменьшить число излишних мелких приходов, увеличив их и тем сделав самостоятельнее, и через то облегчить содержание церквей и духовенства для государства и для крестьян. Притом всех неблагонадежных и дряхлых священников, особенно из униатов или так называемых воссоединённых, отчислить за штат с пожизненною пенсией. Не смотря на заботливое, просвещенное и благонамеренное управление пр. Михаила, он и не властен и не в силах преодолеть многие затруднения, сделать для России больше ее правительства.

Между тем было бы полезно: священникам приложить побольше старания о поддержании всего русского, веры нашей и правительства; разослать им по несколько образцовых, дельно составленных, не пошлых (высокопарных, но не понятных и не пустословных проповедей. В этих проповедях должны быть ярко выставлены выгоды, всегда дарованные народу русским правительством; искони бытность здесь веры и власти русской; древняя преданность предков их этой вере и жестокие преследования католиков поляков и мученичества предков за веру русскую;—все это в сравнении

притеснений и угнетений от Польши и панов ее даже до сего дня с заботливой попечительностью и отеческой любовью к ним России и русского правительства.

Проповеди эти читать почаще, сближаться с народом, поучать его любви и привязанности к России. Словом, действовать духовенству сходно с его назначением, чтобы оно назидало, просвещало и утверждало в вере свою паству. Но и в этой мере необходима безотлагательность.

4) Принять меры действительные, чтобы пополнение сельских запасных магазинов для продовольствия народного было произведено не пустой перепиской[26] ни к чему не ведущею, и не деньгами, а всенепременно зерном, в натуре и в кратчайший срок; допустив самые строжайшие взыскание и понуждение к безотлагательному и непременному пополнению; не принимая пустых отговорок ни от общества, ни от помещиков; потому что отговорками и перепиской будут сыты только разве становые и другие подобные чиновничьи пиявки, а не народ и не войско, когда встретится крайняя надобность в зерновых запасах. Теперь в иных магазинах хлеб разобран до зерна.

[26] Потом были слухи, будто запасы хлеба начали пополнять.

http://aspects.su/

5) Сто человек благоустроенной полиции гораздо больше сделают, будут гораздо полезнее для истинного внутреннего порядка, для недопущения жителей до волнений, — особенно в городах, нежели тысячи войска, присланного для усмирения волнений уже возникших.

Каков же составь русской полиции вообще, а Минской в особенности, —всякому известно. В губернских городах эта машина должна быть и благоустроеннее. Для этого было бы полезно: жандармскую здешнюю команду всего в числе 22-х человек тотчас обратить в полицейские городские служители; соответствующее число дряни[27] —выкинуть из полиции, и, если возможно—остальную всю городскую полицию также заменить и улучшить жандармами, которых выслать из России. Жандармы выбираются из лучших людей, но от бездействия здесь и "праздности часто распиваются и портятся. Их служба обыкновенная, ежедневная, в провинциях более, чем ничтожна; сущность же этой службы вообще не так мудрена, чтобы новобранцы из хороших солдат не могли тотчас же исполнить ее в точности и вполне хорошо; от полицейского служителя требуется гораздо больше; и жандармы, народ обдержанный, несколько ознакомленный и подготовленный к

[27] С грыжами, калек, падучих и т. подобных.

полицейскому делу, большей частью благонадежный, честный и (распорядительный) расторопный, считавшийся на высшей полицейской ступени, но не свыкшийся с унизительными замашками мелких полицейских челядинцев, — жандармы[28] будут лучшим комплектованием нашей полиции, сами в свою очередь легко комплектуясь людьми, выборными из лучших в нашей кавалерии.

Только жалованье и содержание, ими теперь получаемое, должно быть еще возвышено, или, по крайней мере отнюдь не уменьшено; иначе мы впадем в общепризнанную ошибку, и самих жандармов испортим: для необходимого обеспечение их нужд и существования, брать взятки, —следовательно обманывать правительство и вредить обществу, покровительствуя негодяям, которые всегда платят больше и чаще, нежели честные люди. Вместе с тем полезно бы полицмейстера и частных приставов, да и некоторых квартальных, заменить опытными благонадежной честности и расторопными людьми из русских. Некоторые из здешних полисменов могли бы быть очень хороши в России.

[28] Из русских, православных, не женатых на польках

Если же их перевести в отдаленные города, то все надо наблюдать, чтобы в городской полиции не были главными лицами поляки, иначе все русское там будет страдать. Вообще же при переводах, и назначениях сюда из России, и для большого порядка, было бы особенно полезно (хотя бы даже как исключительною мерой) дать всем полицейским чинам содержание достаточное, и тогда установить строжайшую их ответственность за взятки и неправосудие. Если потребность в исправной и обеспеченной облагороженной полиции чувствуется во всей России, то темь больше она теперь крайне необходима здесь.

Если судебным следователям, которые идут по следам полицейских чинов и от них получают работу, дается содержание обеспеченное, то справедливость требует не обижать в этом отношении и полицейских, на плечах которых опирается весь внутренний порядок и края.

Притом содержание городской полиции должно уплачивать исправнее, не по мере накопление городских доходов; а также в определенные и точно соблюдаемые сроки, как выдается вообще, казенное жалованье.

6) Кстати при этом сказать, что судебные следователи бывают назначаемы плохие, иногда по родству с исправниками и другими лицами. Следовало бы заняться этим делом посерьезнее, и при том избавить их от лишней инстанции уездного суда, в котором по самому составу его чрез это бывает только накопление и застой дел; не лучше ли-бы подчинить их прямо уголовной палате,— судебный следователь был бы тогда в ведомстве прямом и однородном ближайшего судебного места, и дела, им произведённые, не залеживались бы напрасно

7) В Пинск, Новогрудок, Слуцк и Мозырь, где вся полиция и все чиновники антагонисты правительства и где по планам поляков ожидать надо первых вспышек восстания, полезно бы послать, или из тамошних русских порядочных людей, знакомых с обществами, и чьи интересы противоположнее интересам польским, выбрать или пригласить агентов (смотря по их личности и обстановке), которые должны быть в непосредственном распоряжении губернатора и получать тайное пособие, значительное, если бы они были из числа бедных. Ежели бы выискался из них негодяй, —то он может только бездействовать и молчать, а предать правительство не может. И его легко заменить другим; и можно иметь их несколько.

http://aspects.su/

Теперь агенты у губернаторов—евреи, из самых незначительных. Они дальше передней и кабака— никуда не вхожи, ничего доселе путного не доставили, да едва ли и могут доставить, разве как ни будь совершенно случайно; они почти всегда говорят вздоры бездоказательные и всегда идут по двум путям—служа и нашим, и вашим.

Особенное обратить внимание на гимназии Минскую и Слуцкую. Это рассадники революционеров. В последнее время, надзор за ними действовал по их требованиям и указаниям, которые внушены родителями их. (Тут видна сила и влияние воззвание № 1, и как нарочно во все это время ни один директор не был истинно русским самостоятельным; а все шло, как во многих управлениях наших, — спустя рукава. (Везде в России все кричали: „куда мы идем?!" „что из этого будет?!" Все, кажется, только умели все осуждать, но никто не давал себе труда остановить идущих по дурному пути, направить на путь лучший, сказать мысль дельную, практическую. В воздухе было (говорили) несчастное направление все разрушать, ничего не исправляя и не создавая). другие гимназии здесь, кажется, не лучше двух упомянутых; а особенно в Пинске.

Занесенный внутрь России польский элемент подействовал вредно на юные умы и расстроил их доброе прежнее русское чувство любви к отечеству. Безвреднее было бы всю польскую молодежь обратить для образование в Польшу и затруднить им доступ в университеты русские, в которых состав и направление преподавателей должно с вниманием поверить.

9) Ежели получающие пенсионы от русского правительства будут участвовать в намерениях или заговорах мятежных, губернатору дать не только право, а обязанность предложением прямо тем местам, откуда они получают пенсию, приостановить ее. Такая мера, после одного, двух удачных, сделанных гласными, примеров остановить многих.

10) Еще больше могло бы воздержать желающих делать смуты, если бы недовольных нашим правительством, осуждающих его, желающих восстановить прекрасный порядок древнепольского управления—немедленно выслать целыми семействами, или во всяком случае мужьев с женами, прямо в Царство Польское, в одно из отдаленных воеводств его, (кроме Варшавского). Имение их передавать ближайшим наследникам, как после умерших или лишенных права владения. Ежели

http://aspects.su/

наследников не будет, то имение эти обращать в государственные. Можно быть уверенным, что по крайней мере половина заговорщиков самых влиятельных и богатых отпадут от заговоров и будут смирно и тихо жить и своих детей, и родню удерживать от смут.

Недовольные русским правительством и желающие отведать благо Польши, пусть удовлетворять своему желанно, свершив переезд в обетованную землю даже на казенный счет; но безвозвратно. Если бы, сытые этими благами, они стали просить о возвращении их, --должно их возвращать на Амур, а не сюда, где им жилось спокойно. Верьте, что возвращенные поляки, более озлобленно и хитро, и скрытно, и с большей опытностью, действуют против России, после возвращения их, чем до него.

Издержка перевозки на Амур (в пределах Сибири по этапам) вознаградится частью конфискованными имениями, а частью уменьшением тех издержек, которые несет государство на усмирение волнений, зарождаемых, поддерживаемых этими людьми.

- Жена без ведома мужа, вопреки его воле и правил, не должна действовать. Если муж-колпак и под башмаком у жены возмутительницы, —он должен подвергнуться и последствиям

участи, постигающей бунтовщика. Теперь здесь женщины которым польстили воззваниями, идут впереди мужчин, тащат с собою детей, рассчитывая, что бедных детей и женщин наказывать, разгонять - варварство... Но если у этих нежных женщин самые кровожадный намерения, то слабость и нежность таких существ не должна же, для блага государственного, избавлять их от всякого обуздания. Сколько через них, сколько русских жен и детей пострадают и осиротеют, и тем составят не легкое бремя для правительства!

Казалось бы: вот обуздание самое не варварское: барыню бунтовщицу приучтиво пригласить ехать в образцовую страну, предмет их желаний и мятежа; посадят в экипаж и повезут хоть на казенный счет, обыскав очень вежливо, чтобы русские деньги не отягчали и не осквернили польских карманов. С нею отправляется непременно и супруг—(разве он сам будет заранее просить *об* отсылке такой супруги, заявив официально, что он не разделяет ни ее поступков, ни ответственности за них). Из детей участники движение или заговора, хотя бы и малолетки, отсылаются тоже в Польшу, или на Амур, вместе с родителями, а не участвующие—подчиняются закону о детях осиротевших.

Эта круговая порука не бесполезна. Она удерживает целые массы от участия в политических смутах. Взятые из среды волнений вожаки, подстрекатели, жаркие участники и особенно участницы[29]—тотчас обессилят враждебный лагерь; имение их не будут излишними для казны, кредит, который возвысится и моральною и материальною силой; Польша не порадуется таким находкам; а край Приамурский приобретёт усиление народонаселения, из очень опасного и вредного сделавшегося, если не совершенно полезным, то безвредным.

11) Запретить немедленно, и строго запретить, под опасением взыскание по полевым уголовным законам, сбор денег на восстание за ойчизну и особенно вывоз их за границу. На тех же основаниях запретить вывоз хлеба, а также лошадей, овец и рогатого скота[30].

Мировых посредников, если они будут заподозрены в отсылке жалованья, лишать оного; а еще лучше: с большей разборчивостью назначать всех посредников от правительства

[29] У всех бывших, обысканными найдена молитва к сердцу Иисуса. Выдвинуты женщины на первый план, действие через них, и распространение этой молитвы; таки и пахнут участием последователей Лойолы, этих жарких, друзей Росси.

[30] До восстановления совершенного порядка в Царстве Польском.

до той поры, пока все здесь придет в стройный порядок и тишину.

Если кто докажет сбор и вывоз денег, укажет средства к поимке, он получает награду от 1/3 до 1/2 всей пойманной суммы по усмотрению губернатора.

12) Сегодня 21 октября. Губернатор говорит мне: „ежели не будут выполнены мои представлении, мною для него написанные, то я со временем их повторю; а весною попрошу 2 полка казаков; иначе можно быть уверенным, что одни гимназисты опрокинут и уничтожать здесь русское правительство[31].

Войска двигаются медленно; ежели весною требовать войско, когда-ж оно придет, следуя даже форсированными маршами, истомясь, измучась? Весною в России движение войск тяжелое, то гроза и ростали через разливы рек и при полевых работах (подводная повинность). Зимою и летом лучше всего двигать войска.

Ежели Венгрия и другие славянские племена с Польшей одновременно восстанут, как надеются поляки, то весною передвижение

[31] В несколько дней обстоятельства так пошли вперед, что 24 октября он уже должен был сделать об этом официальное представление.

войск будет медленно и затруднительно, и не поспеет вовремя для предупреждения неприятеля, --что всегда важнее, чем приход хоть минутой позже события, свершившегося невозвратно.

Следовательно передвижение войск надо сделать заблаговременно. Двух полков для подавления мало. Чем больше будет здесь казаков, тем лучше; а на Дону в то же время может быть придется иметь регулярные войска.

В Литве и вблизи могут понадобиться 2 корпуса. При этом необходимо:

а) Перебрать состав войск, идущих в Литву; всех поляков-католиков, как можно раздробительнейшими частичками перевести в разные части войск дальних русских, и иметь за ними зоркое наблюдение. Фельдфебелей, унтер-офицеров, вахмистров, каптенармусов, писарей, трубачей, барабанщиков, горнистов и офицеров-поляков (даже до денщиков) [32]опасно теперь иметь в войсках, действующих в Польше. В 1831 году был другой дух у поляков; а теперь это гораздо опаснее. Командиры же частей, (ротные, батальонные) полковые

[32] Из кавалерии, особенно, в артиллерии также иметь это в виду для провиантского и комиссариатского ведомств, вместо их выслать из России русских опытных и надежных!

должны быть испытанной благонадежности и преданности. Некоторые ополячившиеся татары тоже очень опасны.

б) Озаботиться, чтобы тяжесть продовольствия не падала на невинных и бедных православных крестьян. Даже теперь войска расквартированы у крестьян, для которых они не подпорье, а тягость.

Помещики же, через смуты которых должно было ввести эти войска, не дали даже ни одной офицерской квартиры. Сколько возможно надо облегчить постойную повинность для крестьян и обратить внимание на улучшение продовольствия войск не бедными средствами крестьянина, —а средствами правительства, которые бы служили в пользу и солдатам и крестьянам.

Помещики, шляхта, горожане—вот виновные в настоящем положении дела; они и должны испытывать всю тягость военных обстоятельств, повинностей и налогов.

в) Назначить сюда поболее стрелковых батальонов с лучшими штуцерами, чтобы они могли с выгодою стать против штуцеров, заказанных поляками во Франции (у Дервилля) и в Англии (которыми Кланка очень доволен).

http://aspects.su/

13) Поляки имели сношение с Турцией[33]. Они надеялись, что масса татар, вышедших из Крыма вместе с польскими выходцами, образовавшими, как слышно, в Турции род военных поселений, бросятся на Крым, чтобы отвоевать его, если не для Польши, то хоть для Молдавии и Валахии, сделав Одессу их столицей. „Пусть эта идея и покажется иным нелепою", (говорили поляки на своих совещаниях), „да ведь дело в том, что ежели теперь в одно и тоже время татары хоть сделают высадку на Крым, а донцы зашевелятся на Дону, а Украина и Западные области начнут со своей стороны условное возмущение, да и внутри Московии проявятся много смут и попыток мятежных, против нынешней династии, то Россия должна будет кидаться во все стороны и не в состоянии будет помешать провозглашению Царства Польского. А мы пока оттуда выгоним русских и сами укрепимся. Пусть потом Россия казнит своих дураков или прогоняет стада баранов—татар; лишь бы нам во время этих смут устроить свое дело"... (явно, что они хотят воду возмутить ив мутной воде рыбу ловить) ...

Но ежели бы и впрямь нападение татар, волнение казаков и Украины—была одна

[33] Недавно поляки здесь начали много толковать о скандинавской лиге и об отторжении Финляндии, и проч.

химера, то все же это должно служить нам указанием, что мы и при ясных наших границах должны быть не без войск, и на внутренние губернии быть не без оглядки... не ровен час.

14) Поляки больше всего боятся военного положения, потому что оно больше всего может мешать им в проявлениях и развитиях мятежа и всеобщего восстания. Военное положение требует прибытие достаточного числа войск и военного начальника. В России в мирных губерниях, во многих местах есть военные губернаторы, управляющие гражданской частью; такая мера более чем необходима теперь здесь. Если правительство будет иметь в виду одномерность и удобство управления, оно вероятно учредить ещё хоть одно генерал-губернаторство, назначая в это звание лучшего из людей способных, дельных, твердых. Военный генерал-губернатор (напрем.: Виленский, Витебский, Могилевский и Минский) будет в прямых сношениях с министрами и другими военными генерал-губернаторами (Киевским, Волынским, Подольским) и конечно все мероприятие могут быть быстрее и одинаковее. Если же такого генерал-губернаторства не желают учредить, то во всяком случае теперь необходимы здесь военные губернаторы, управляющие гражданской частью.

Но такая мера должна быть принята немедленно, чтобы люди успели осмотреться хоть за зиму, поразузнать все, что им знать необходимо в этой многосложной машине управления, в которой часто много колес дурно идут и скрипят и криво, и косо, я кое-как вращаются, цепляются, останавливаются -от того, между прочим, что нередко в губернаторы назначали людей малоопытных, мало способных, ни по воспитанию, ни по предшествовавшим занятиям и службе не подготовленных к такому важному многосложному управлению, требующему многосторонних и опытных познаний. По всей России шел общий говор, что одного имени с титулом, или только родственных связей и представительности еще не довольно для такого назначения; что не было бы в России многих и многих неурядиц, если бы губернаторы были люди дельные, добросовестные, трудолюбивые, опытные, подготовленные к этому назначению; таких у нас до сих пор немного.

Нельзя понять причин, почему издавна не назначали в эти губернии военных губернаторов управляющих гражданской частью. Допустим совершенно охотно, что вообще все гражданские губернаторы в западных губерниях были способны, честны, деятельны и полезны;—эти свойства их не уменьшились бы

при переводе их в другие губернии,—Остзейские или чисто русские, и там это не было бы излишним; а сюда можно было бы перевести из числа военных губернаторов таких, которые уже выказали себя способными и дельными; но при таком назначении вместо двух в каждой губернии (как определяет указ) будет один начальник,—что не только в политическом и административном, да и в экономическом отношении выгоднее. Надо только иметь дельных вице-губернаторов, для наблюдения за сохранением гражданских формальностей, из которых иные поставлены в краеугольный камень разных распорядков.

Два губернатора в одной губернии уживутся ль? Два начальника ведут к безначалию. Столкновений, споров, неудовольствий - не оберетесь. Два друга самых задушевных, два брата рассорятся очень скоро, разве один из них будет самая пошлая и ничтожная личность, а таких здесь, да и нигде, не надо бы иметь в службе. Нигде так скоро не сумеют поссорить, как здесь. Начиная хоть с отвода квартиры, хоть с распоряжений полицейскими личностями и проч., и проч. все дает пищу ссорить их; и здесь все найдут свои выгоды в раздоре русских властей. Одна Россия пострадает.

http://aspects.su/

Другое дело—назначение, генерал-губернатора[34] с властью, доверием и денежными средствами... Тогда быть может и обошлось бы без военных губернаторов; а иначе трудно и даже опасно. В экстренных случаях необходимы и меры экстренные.

15) Еще здесь надо сказать и о том, что до сих пор у нас не принято извещать губернаторов по телеграфу о ходе дел самых для государства важных. ...

Во Франции мы видим, что о результате важных выборов, даже о решении главнейших вопросов в тот же вечер извещают всех префекторов, чтобы все знали, как действует правительство и чего оно желает, чем дорожит; чего не хочет, или не дозволяет; даже как действует оппозиция. Здесь беспрерывно ходят самые противоположные и часто очень важные слухи. Губернатор ничего не знает, справедливы ли, они, и что, из них он должен опровергать; что поддерживать. Евреи, поляки здесь имеют свою почту, условные выражение для телеграмм, и знают все очень быстро и верно; а распускают слухи для них благоприятные, для нас вредные; губернатор же после всех узнает о событиях Варшавских, Петербургских,

[34] Т. е. военного начальника, хотя бы и с другим титулом

Московских, Киевских и узнает часто в преувеличенном или преуменьшенном виде. Было бы очень полезно, чтобы по крайней мере в Западных губерниях губернаторы были немедленно извещаемы о событиях и проч., обо всем, что знать им необходимо и полезно, об общем ходе дел и правительственных распоряжений. На это надо несколько строк, несколько рублей, а польза будет огромная.

Теперь даже православные крестьяне, кое где склоняемые на сторону мятежников, начинают петь гимн №1, переведенный на простой литовский крестьянский язык. . .

Теперь всякая губерния по-своему понимает и крестьянские и другие жизненные вопросы; тогда все будут действовать за одно, направляться к одной цели. Теперь обстоятельства изменяются беспрерывно; мятежные проявление растут с каждым днем и потому надо беспрерывно давать общее указание и развязать руки губернаторам и действовать строго, административным, быстрым и энергическим порядком в случаях экстренных и важных.

16) Поляки теперь братаются с евреями вовсе не по чувству любви к ним; они ненавидят их; а чтобы уменьшить число своих врагов,

уменьшить число людей, могущих стать на стороне русского правительства и вредить им. Чтобы их обезвредить для себя, да если можно, то и попользоваться их финансовыми средствами и влиянием, они проповедуют филантропическую любовь к евреям и равноправие этих новых поляков Моисеева закона. Евреи пошли на удочку; они уже начали роптать громко на стеснения, ими испытываемый в России, и восхищаться новою обетованною землею, — Польшей, — их Эльдорадо.

Раввин Варшавский подстрекает их своими прокламациями. Может быть, лучше было бы не иметь вовсе евреев на нашей земле, потому что они до сих пор существуют на несоединимых с нами началах, составляют народ в народе, имеют свои законы, свою полицию; но если они у нас уже есть, то надо бы дать им права сближающие, разумно соображённые. Например. Теперь купцы I-ой гильдии могут жить везде в России, под лживым именем приказчиков везде живут при них множество всякого сброда, грязные невежды и плут на плуте. А, евреям, хорошо окончившим курс медицины, не дозволяют быть в России. Для чего же это? В наше время высшим мерилом достоинств и равноправия— должно б быть высшее образование, и потому думал бы, что скорее истинно хорошо образованные евреи—

медик, ученый, артист—могут быть допущены внутрь России как люди полезные, нежели вся сволочь при купцах контрабандистах, необразованных, а разбогатевших часто очень нечисто.

Образованность сама собою снимает уже с еврея его кору, множество дурного, прививаемого им не образованностью, а грязною жизнью их расы, столпившейся, как в муравьиных гнездах, в западных местечках и городах. Войдя в круг христиан, образованный еврей скорее прильнет к их обществу, нежели к своим глупцам евреям, и своей образованностью будет полезен обществу русскому, а не вреден.

Вообще некоторые прогрессивные привилегии, требуемые настоящим временем, должно им дать; и как только они будут заявлены нами, поляки Моисеева закона не станут в числе явных наших недоброжелателей, — к чему они очень, наклонны теперь.

Минск, 25-го октября 1861 г.

Ежедневно совершающиеся событие в Польше, в наших западных губерниях и даже внутри России, в самых столицах ее, события, которые не без связи с Варшавскими

http://aspects.su/

волнениями и с другими затеями, невольно заставляют высказаться, заявить свою мысль Вам, руководителю.

Долго молчав, уверенный, что каждый местный начальник давно сказал Вашему Высокопревосходительству свое искреннее слово о положении дел и о мерах, которые теперь принять необходимо, о чем каждый из них, стоя у своего руля, лучше меня может это знать, — наконец решаюсь сказать и мои мысли.

К ним я прошу позволение добавить:

1. Обстоятельства изменяются быстро, ежедневно. Надо зорко следить за ними, чтобы принимать меры своевременные, —лучше предупредительные, нежели после совершившегося события: иная мера была бы хороша сегодня, а на завтра она уже не годится, опоздала; —поэтому иные надо иметь про запас, наготове.

2. Наблюдая здесь ход дела, я нашел не бесполезным эти заметки мои, наброшенные для собственных соображений и воспоминаний, представить Вашему Высокопревосходительству.

Они состоят из двух частей: 1, о настоящем положении края и 2, о мерах противодействия.

Тотчас по изготовлении этих заметок, я увидел, что надо поторопиться представить Вам в особенности 2-ю часть, чтобы не потерять времени в переписке начисто, здесь чрезвычайно затруднительной; а сам я завален делами, при нетрезвости тупицы делопроизводителя тружусь почти по 16, даже по 19 часов в сутки, не выходя из комнаты, и несколько раз заболевал сильно.— Быть может некоторые черты, мною ярко изображаемые, покажутся с первого взгляда не совсем верными,—особенно ежели не все высказали Вам все, что должны были сказать в свое время, откровенно и прямодушно. Но верьте, Ваше Высокопревосходительство, что при нашем бездействии успех поляков пойдет вперед гигантскими шагами и тогда подтвердится горькая правда моих слов.

3. Мне казалось, что мы, русские, без внимание прочитали те польские прокламации, которые теперь шаг за шагом ведут революцию все вперед и вперед. А они стоят того, чтобы в них вчитаться. И я постарался, не зная сам литературно польского языка, отыскать сотрудников перевести, сличить 4 экземпляра (с трудом на время добытых) и представляю эти воззвания Вашему Высокопревосходительству. Сущность передана вполне и верно; язык я сгармонировал с духом и языком, которым они писаны.

http://aspects.su/

4. Отнюдь я не партизан жестокостей, я не проповедник нетерпимости, преследований за веру, стеснительных с господствующей (мой 16-й пункт 2-ой части заметок это доказывает). Но постигая стремление поляков при нынешней всесветной неурядице, при этом общем кипении разрушительных начал, полагающих быть зародышами, начал лучших, созидательных, —я полагаю, что очень пора, принять меры твёрдые, серьёзные.

Быть может, стоя ближе к той высокой точке, с которой Вы изволите обнимать все дела России и других государств, —я бы иначе о них заключал. Но с моего небольшого горизонта здесь, что и как я вижу, - так и сужу, так и говорю, а здесь нам очень многое неизвестно. Если в выводах моих я ошибаюсь, — простите меня... видит Бог мою истинную цель: быть полезным России. Собственно поляки мне лично ничего дурного еще не сделали,- угрозы подмётных писем, теперь мною получаемых,— не имеют на меня никакого влияния; я их жгу и ни на волос не изменяю ни моих убеждений, ни моего способа действий. Но рассуждая об интересах моего отечества, о пользах государства, в котором родилась моя мать, которому более полустолетия служил мой отец,- которому по милости двух Царей обязан я моей второю жизнью—моим воспитанием,—которому и сам

я служу вот уже почти полных 30 лет,—я не могу не сказать того, что по моему крайнему разумению будет для государства не бесполезным. Отвергните Вы мои слова—значить я ошибался; это мне будет спасительным уроком, потому что Вы лучше меня знаете общий ход дел,—(потому что Вы лучше знаете) администрация всего государства Ваших руках... Одобрите их, найдете в них хоть одну мысль полезную,—слава Богу! Я не должен буду сказать себе: oleum et operam, perdidi.

Минск, 23 октября 1861 г.

Его Высокопревосходительству

Петру Александровичу Валуеву.

ДОКУМЕНТЫ.

В Минской губернии,

по отчету Губернского Статистического Центрального Комитета за 1860 г.,

все население: 483,542 + 498,161 = 981,703.

http://aspects.su/

(Женщины 15-ю тысячами превышают число мужчин)

В том числе:

православных…….. 349,782 + 358,675 = 708,457.

римск. Исповедание…
83,876 + 86,961 = 1.70,837.

евреев …….. 46,180 + 48,969 = 95,149.

(их гораздо более).

Священников православных 549.
(1 на 1290 душ).

Ксендзов 300 и монахинь 70 (их более).
(1 ксендз на 569 душ).

Еврейских раввинов 283; мулл 21.

Из православных священников:

Отлично хорошего поведение 51
Так себе— сносно хорошего 459
Не хорошего 22
Совсем дурного 17

549

(Из них 25 штрафованных и неоднократно).

Из 469=приходов, воссоединённых от Унии 283.

Древнеправославных 186.[35]

т. е. из Униатов более 427 тысяч; православных до 281 тыс. Из 864-х служащих, о которых собраны были в 1861 году сведения, только 43 чиновника (более мелких) и до 100 писцов—из древнеправославных, воссоединенных, магометан, лютеран; остальные все сплошь поляки—латинцы.

Личный состав служащих беспрерывно изменяется, и потому эти цифры—только приблизительны.

Вообще в этой губернии масса чиновников власть имеющих, помещиков, ключ-войтов, писарей в волостях, десятников и прочих - полицейских поляки латинцы.

---

[35] Под древнеправославными автор имеет ввиду православных в Северо-Западном Крае, сохранивших изначальное православие после Брестской унии несмотря на гонения во времена Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (Прим. составителя).

Черновое письмо от Минского гражданского Губернатора графа Эдуарда Карловича Келлера к Министру Внутренних Дел. 24 октября 1861 года.

Милостивый Государь,

Петр Александрович.

Вашему Высокопревосходительству в последних сведениях моих я имел честь сообщить, это проявление наружных манифестаций стали затихать; но что внутренняя, глухая, неуловимая работа возмутителей—продолжается беспрерывно.

Теперь считаю себя обязанным доложить Вашему Высокопревосходительству, что и наружное спокойствие это нарушено волнениями, которые стали видимо и усиленно разгораться вслед за получением известий о последних событиях в Варшаве, с которыми постоянно регулируются умы и происшествие во всем здешнем крае.

Пение в костелах возобновились с неистовым деспотизмом—до того, что, насильственно гася свечи, мятежная молодежь на днях в Бенедиктинском женском монастыре нанесла впотьмах оскорбление и побои частному приставу, посланному туда для исполнения

служебных обязанностей, и погналась за квартальным, едва успевшим убежать, но виновных найти и уличить не возможно.

Молодежь и мальчики всех сословий, едва выходящие из детского возраста, которых родители неизвестны, или Бог знает где, и в практическом применении закона о полицейских судах — не достигаемы для теоретически-предположенной ответственности их за детей своих,—эта юная наэлектризованная толпа, конечно, подстрекаемая скрывающимися вождями, волнуется и мятется чрезвычайно.

В письме моем от 14 октября, чрез г. подполковника Дмитриева к Вам посланном, я излагал и теперь повторяю:

1. Полицейские суды в том виде, как они теперь существуют, не достигают и не могут достичь той цели, с которою предлагал я их установление.

При Уездном суде нельзя оставлять их. Судья имеет свои занятие и сам слишком близок сочувствием ко всему свершающемуся, чтобы вести дела с той быстротой и твердостью, которые одни могли б доставить полное осуществление данной, мысли. А заменить судью по выборам служащего невозможно, тем более

http://aspects.su/

потому, что нет здесь в виду людей, которые б могли в этой обязанности отстранить свои личные патриотические сочувствия.

Сбор же в Минске такой толпы певцов, — фанатиков изо всех Городов, их прислуги, свидетелей— может только вызвать здесь еще больше волнений и повести за собою разные демонстрации.

Поэтому я полагаю; суды устроить на предложенных мною основах, т. е. иметь их не менее трех в губернии, с составом подвижным, которые бы могли in pleno переезжать в такие местности, где необходимо ему действовать. Председатель или 2 члена каждого суда должны быть назначены из петербургских чиновников, юридически хорошо образованных, честных и не имеющих cdязей и соотношений с лицами здешнего края.

Это сократит время, истрачиваемое на призыв в приезд обвиненных, уклонит массу волнователей в Минске, не допустит до демонстраций и приведет к цели судов этих—скорому и тяжелому наказанию виновных, обращающих храм Божий в место заявления революционных чувств и намерений.

Для этой же быстроты и твердости действий апелляционный суд должно иметь в Минске, из лиц, присланных тоже из Петербурга, вполне соответствующих этому назначению, совершенно чуждых всяким здесь связям.

Тогда и штрафы, разумно и беспристрастно наложенные, покроют все издержки по учреждению этих судов.

2. Выслать скорее правила для экзекуционных волнующегося края занятий войсками и для реквизиций. Этих правил мне еще не доставлено, а их необходимо теперь иметь в виду.

Студентам университетов не иначе дозволять приезжать в Минскую губернию, как по просьбе родителей их или опекунов и лиц благонадежных, хорошо известных, —под их поручительством. Просьбы эти они должны подавать губернатору и только по его сношениям университетскому начальству разрешать студентам отпуски, но с тем, что ежели они здесь будут замечены в прикосновенности или участии в политических проявлениях —тотчас же отсылать их на счет поручителей в университеты, с воспрещением приезда сюда.

4. Незнакомые ни с жизнью, ни с опасностью, гимназисты и вообще мальчики, изъятые по

http://aspects.su/

закону от преследований и взысканий, начинаются делаться слишком сильным рычагом возмущения. Ежели не принять против них мер строгости, необходимой и соответственной вине их и возрасту, —то должно ожидать неминуемых, и очень для правительства неприятных последствий.

К этим §§ -м я считаю себя обязанным присовокупить:

5. Полицейские чиновники, беспрерывно подводимые под присягу, выносящие всю тягость службы и оскорблений, просто сбились с ног и скоро доведены будут до неизбежной крайности отказаться от службы, столь невыносимо тяжело для них и опасной.

По этому присяжные их показание не должны быть требуемы; а, как масса людей, собравшихся для изъявления какого либо рода одинаковых чувств, молитв или желания, должна быть считаема одинаково виновною— ежели эти изъявления стремятся ко вреду государства,—то объявить во всеобщее сведение, что пение революционных и таких же молитв решительно воспрещено; а все, кто остаются в церкви во время пения, считается участником, и по выходе из костела подвергается преданию полицейскому суду,— с арестом или без

оного,—и штрафу усиленному. Показание полицейских чиновников, особенно о зачинщиках, должно принимать с полным доверием и без присяги. Дело же полиции и военной власти вне храма будет в своих правах и не будет отдаваемо внутри самих храмов на поругание и побои толпы.

Костелы, в которых повторятся смятения, неистовства или оскорбление полиции, как это было в костеле Бенедиктинского монастыря, и костелы, допускающие пение гимна сначала или посреди служения, должны быть запечатываемы.

За учавствование в пении таких гимнов или способствование к тому, всякое духовное лицо в том виновное подвергать штрафу, усиленному до высшей степени.

И для показаний твердыни намерений правительства и хоть некоторого обуздания волнений, костел Минского Бенедиктинского монастыря теперь же запечатать. Отпечатывать такие храмы—уже по прекращении всех политических революционных движений, несоответственно прикрываемых наружностями религии, под сенью которых они развелись до размеров опасных.

http://aspects.su/

6. В 7-м пункте Высочайшего повеления, мне сообщенного Вашим Высокопревосходительством 5 августа 1861 года за № 521, определено: подвергать аресту зачинщиков и руководителей движения.

А ежели вины их юридически и документально доказать нельзя при этом общем волнении и сочувствии масс, - то, как далее поступить?

При том ежели такой известный руководитель будет по суду подвергнут аресту за пение и потом он будет выпущен, — то неужели оставлять его здесь же для предания вновь суду только за пение, тогда как это пение здесь так трудно доказать?

Обстоятельства быстро меняются и ход их становится ежедневно серьезнее. Поэтому я полагал бы, при событиях, выходящих из обыкновенного порядка, прилагать меры, выходящие из обыкновенных правил. Административное начало должно быть раздвинуто на более широкие и твердый права. Обязанность блюсти за спокойствием края -падает на губернатора; следовательно, он должен иметь руки, развязанные для действия по усмотрению его - в пользу охранения общества, губернии,

государства и правительства, если им опасность грозить очевидная.

Я полагал бы: всех, кто известен по достоверным сведениям к губернатору дошедшим, как двигатель или жаркий участник мятежного направления, пребывание которого в краю вредно, а отсутствие,—лишая толпу вожака будет полезно,—немедленно высылать на Амур, или в такие отдаленные губернии России (Вятскую, Иркутскую, Пермскую), где присутствие таких людей безвредно. Это необходимо теперь, а со временем, по успокоении края, можно будет поступить с этими людьми по усмотрению правительства.

8. Исключенных со службы за неблагонамеренность или за участие в каких либо действиях против правительства, если оставлять здесь в краю, то с увольнением от службы тому самому правительству, против которого они возмущаются, лишаются они средства существования и только увеличивают толпу пролетариев, готовых на всякое преступление из-за куска хлеба, отчаянных и чрезвычайно вредных.

Их необходимо также выслать на Амур, или в упомянутые губернии. Эта единственная мера, достигающая вполне цели усмирения

http://aspects.su/

волнений и уменьшения массы врагов, в особенности вождей.

9. Выслать в Минскую губернию поскорее еще хоть два полка казаков. Одно их присутствие даст по крайней мере поболее наружного спокойствия в краю.

10. Сообщить мне по телеграфу сведения о событиях Варшавских и других, чтобы знать во время истинное положение дел и знать, чем опровергать беспрерывно распространяемые здесь ложные слухи.

Меры эти я считаю теперь совершенно необходимыми и безотлагательными для поддержания правительства и власти нашей в этом крае. Я считаю себя обязанным просить Ваше Высокопревосходительство настоящее письмо мое повергнуть благовоззрению Его Императорского Величества, чтобы потом не пала на меня ответственность, что я молчал в минуты, как только усмотрел, что наше положение оставить еще хоть самое короткое время без испрашиваемой мною поддержки, то надо опасаться, что безнаказанные ученики гимназий и уличные мальчишки одни прогонят наше правительство.

Прошу Ваше Высокопревосходительство верить чувствам моего глубокого к Вам почтения и совершенной преданности.

Минск 24 октября 1861 г..

Его Высокопревосходительству

И. А. ВАЛУЕВУ.

Письмо Генерал-Майора Мейера графу Эд. Феод. Келлеру.

Милостивый Государь,

Граф Эдуард Феодорович!

8-го августа получил я предписание г. Министра о назначении меня председателем комиссии по политическим делам и, с разрешения Вашего Сиятельства, нанял квартиру, для помещения Комиссии в доме здешнего купца—еврея Поляка.

Хозяин получил с меня задаток и обещал сделать необходимые исправления особенно печей, существующих в доме без переделок более 20 лет.

http://aspects.su/

Через месяц хозяин явился ко мне с объявлением, что Минским полякам патриотам не нравится, что Комиссия здесь учреждена, и они будто грозят ему не заезжать к нему в дом и не покупать у него товаров, если Комиссия останется в его доме. Быть может, подобные угрозы и были сказаны хозяину; но и в дом его заезжают и покупают у него товары по-прежнему.

Об этих дерзких требованиях вывода Комиссии из нанятого дома я тогда же счел себя обязанным сообщить Вашему Сиятельству. По настоянию Вашему я оставил без внимания домогательства домохозяина. На днях сын его пришел ко мне с просьбою: если возможно, нанять открывшуюся удобную квартиру в доме еврея Рапопорта.

По болезни моей я просил г. г. членов Комиссия полковника Рейхарта и коллежского советника фон-Браже осмотреть эту квартиру; но при осмотре, объявили Рейхарту, что для Комиссии квартиры не дадут.

Согласно с желанием Вашего Сиятельства имею честь доложить Вам об этом, для приискания, или устройства помещение Комиссии, присовокупляя, что далее невозможно оставаться в доме Поляка уже и потому, что хозяева успели так исправить печи, что угар от

них постоянный дает мучительные головные боли даже вестовым, в Комиссии ежедневно переменяемым.

Примите уверение в моем отличном почтении и совершенной преданности.

Подписал ген.-м. Мейер.

10 октября 1861 г. из Минска.

Черновая.

Ваше Высокопревосходительство!

Поставленный Вами в непосредственную подчиненность начальнику Минской губернии, я до конца сохранил эти отношения, соединенные с отношениями дружескими, и когда болезнь моя и опасная болезнь моей жены вызывали меня из Минска, я обратился к графу Келлеру за разрешением на отъезд и, только получив его, выехал.

В Вильно я пролежал больной двое суток; в Динабург прибыть вечером, ехать далее теперь я не в состоянии. По приезде в Царское Село я постараюсь представить Вашему

http://aspects.su/

Высокопревосходительству записку мою о положении дел — если только прежде буду знать, что это угодно будет Вашему Высокопревосходительству — на что ожидаю приказа. Сверх записки доложу по секрету о чеканке монеты (обстоятельство немаловажное, если оно Вам неизвестно) с указанием на возможность добыть подробнейшие об этом сведения; —доложу и о зачатках преподавания (в гимназии) всех наук на польском языке.

На одно обстоятельство я полагал бы необходимым обратить особое и самое немедленное внимание: это гимн о возвращении вольности Польше и всему народу литовскому; гимн, переведенный на простонародный литовский язык и заготовляемый массами экземпляров писанных и литографируемых в самом Минске. В гимне этом есть замечательное выражение: "и дай всем равенство и одно названье. Уже приняты все меры, чтобы гимн этот был разучен всем народом во время предстоящих 6 недель рождественского поста по здешнему „святок", и чтоб ежели не всех православных, то по крайней мере непременно во всех бывших Униатских церквах на первый день Рождества, народ называемый Россией православным и древнерусским, грянул этот гимн дружно повсеместно. Этим хотели довершить доказательство солидарности польских начал в

замышляемом перевороте со всеми слоями народа, говорящего не русским языком, напитанного польским духом, а твердого в православии только по сведениям официальным, в сущности же — на деле — он в нем мягкого. Необходимо принять меры самые деятельные, чтобы остановить, предупредить его стремление энергичным, разумным и осторожным содействием духовенства и полицией, городской и земской (два очень там жалких).

Извините, Ваше Высокопревосходительство, что без разрешение Вашего, без вопроса, я решаюсь говорить об этих делах; ради пользы общей, простите мне эти слова. Если бы я мог тотчас же ехать прямо к Вам, я не писал бы об этом, но не знаю, когда болезнь моя позволить мне явиться самому, —а дело спешное.

Динабург, 7 ноября 1861 г.

Копия.

Свидетельство

Состоящий при министерстве Внутренних дел г. генерал-майор Мейер прибыл в г. Царское Село в начале этого месяца с сильными страданиями слизистой перепонки желудка и кишок

http://aspects.su/

от последствий принятие пищи, имевшей в себе яд... медянки. С помощью медицинских средств генерал Мейер начинает получать облегчение; выздоровление его можно предполагать около трех недель; но совершенное истребление этой болезни может быть только при долговременном пользовании и постоянной осторожности в диете и образе жизни.

В чем свидетельствую. г. Царское Село. Ноября 26 дня 1861 г.

Действительный Статский Советник

Доктор Купфер.

(М. И.)

М.В.Д.
НАЧАЛЬНИКА

Минск. губ.
ПО КАНЦЕЛЯРИИ
Августа 16 дня 1861 г.
№ 196

Г. МИНСК

Состоящему при Министерстве Внутренних Дел Господину Генерал-Майору Мейеру.

Господин Управляющий Министерством Внутренних Дел предложением от 5 августа за № 521, сообщил мне, что Государь Император, во внимание к

особым обстоятельствам и условиям, в которые в настоящее, время поставлены некоторые из западных губерний, Высочайше повелеть соизволил:

Учредить в Минске особую следственную Комиссию, подобно Виленской и Киевской, для разбора дел по более важным политическим преступлениям или проступкам; а от того же числа за № 523 уведомил, что Председателем сей Комиссии он Г. Статс-Секретарь Валуев назначить, впредь до особого распоряжения, Ваше Превосходительство. Сообщая об этом Вашему Превосходительству, а равно и о том, о что в помянутую комиссию назначены мною членами: Минской губернии штаб-офицер корпуса жандармов полковник Рейхарт и командированный в мое распоряжение, состоявший при Министерстве Внутренних Дел Коллежский Советник Фон-Браже, а делопроизводителем состояний при канцелярии моей Коллежский Ассесор Матиясевич, я покорнейше прошу Вас немедленно открыть сию комиссию.

При этом нужным нахожу уведомить Вас, что 1) назначение следствий зависят вполне от меня и что потому каждый раз, когда по усмотрению моему нужно будет произвести по какому-либо случаю исследование, комиссия будет уведомляема о том особо; 2) действие

комиссии, по производству дел должны следовать общим установленным в следственном и уголовном порядке формам и уклоняться от них только в крайней необходимости и в экстренных случаях; и наконец 3) по окончаний, каждое произведенное комиссией дело должно быть представлено ко мне на рассмотрение, без мнений комиссии. Гражданский Губернатор Граф Келлер. Правитель канцелярии Пиксанов.

М.В.Д.
ОСОБЕННАЯ
КАНЦЕЛЯРИЯ
3 Августа 1861 г.
№ 524

Состоящему при Министерстве Генерал-Майору Мейеру.

По ВЫСОЧАЙЩЕМУ повелению, вместе с сим сообщенному Начальнику Минской губернии, учреждается в Минске особая следственная Комиссия для разбора Дел по более важным политическим преступлениям или проступкам.

Назначив Ваше Превосходительство временно, впредь до особого распоряженья,

Председателем этой комиссии, предлагаю Вам вступить в эту должность немедленно и руководствоваться в действиях Ваших постановлениями местного Губернатора Графа Келлера, который поставляется мною в известность о таковом назначены Вашем. Управляющий Министерством Статс Секретарь N.

Милостивый Государь,

Петр Мартынович!

Тяжкая и продолжительная болезнь, постигшая Ваше Превосходительство, препятствуя правильному течению и преуспеянию церковностроительных работ по Минской губернии, вынуждает меня ныне уволить Вас от занятий по этой части.

Приказав сделать распоряжение об УДОВЛЕТВОРЕНИИ Вас, следуемым Вам, по расчету, содержанием из церковностроительных сумм по 1 число наступающего марта месяца, я прошу Ваше Превосходительство принять уверение в моей к Вам преданности и почтении.

Петр Валуев.

http://aspects.su/

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬ-
СТВУ
П. М. МЕЙЕРУ
№ 45
20 февраля 1862 г.

15 Февраля 1862 г, Минск.

11-е февраля я получил первое со дня оставления Вами, Петр Мартынович, Минска письмо Ваше. Искренно радуюсь, что Господь возвращает Вам здоровье и силы на полезное служение отечеству, что умножил Ваше семейство, что здоровью Марьи Ивановны не угрожает опасность, что новый человек—будущий Генерал, Министр, и т. д. бодр и что крестник мой держит себя молодцом, а больше всего радуюсь—что Вы, Петр Мартинович, собираетесь возвратиться в Минск для продолжение начатых трудов о постройке и починке церквей Минской Епархии. Признаюсь Вам, что дело это преследует меня как вопрос о жизни и смерти... и уже одно это дело—заставляет меня желать Вам здоровья, семейного благополучия и отсутствие препятствий к успешному продолжению только начатого дела. Да не смущают Вас проявлявшиеся здесь манифестации польских патриотов. Теперь о них никто и не думает, а если бы и возобновились, то,

наверно, не убоимся и не сочтем их грозными и опасными для России.

Прощаясь с Вами в день отъезда Вашего из Минска, я надеялся, что путешествие, свежий воздух восстановят здоровье Ваше, а никак не подозревал, чтобы болезнь развилась серьёзно и сломила железные силы Ваши! Вы страдали, но вместе с Вами и я страдал. Вам известно, что я представил в Св. Синод об отпуске 10,971 р. на постройку служб при новостроящимся Архиерейском доме[36]. Недавно в ответ я получил указ от 17 января № 153, что Синод за неимением средств более 2000 р. не может отпустить. Что же мне теперь делать? Есть у нас небольшой капиталец, именно 3445 р. 29 к., отпущенные 6 мая 1854 г, Синодом на постройку железной ограды возле кафедрального Собора[37]. Можно ли просить Св. Синод о разрешении употребить эту сумму на службы с тем, чтобы

[36] Ныне на месте взорванного в годы Советской власти Архиерейского дома в Минске стоит Дом офицеров, а от комплекса Архиерейского дома осталось только небольшое строение, в котором сейчас размещается Институт Теологии БГУ (Прим. Составителя).

[37] Речь идет о кафедральном Петропавловском соборе Минска (на дореволюционной Соборной , а сейчас площади Свободы), который был взорван большевиками в 1936 году, и на месте которого в годы советской власти была пивная, а в 2011 году, в исполнение программы «белорусизации» архитектурного ландшафта «Страна Замков», построено здание детской филармонии в стиле униатской церкви.

сумма эта со временем возвращена была Синодом. Но предварительно мне нужно знать— разрешит-ли Св. Синод. Не можете ли, Петр Мартинович, получить совет от родственника Вашего, на что мне решиться?

Александр Андреевич Свечников три недели тому говорил мне, что дубовые для Вас рамы выслал на Вильно. Скажу ему, чтобы справился о посылке. Засим, желаю Вам и всему Вашему семейству совершенного здоровья и благополучия. Господь да хранит всех Вас.

Вашего Превосходительства преданный слуга и Богомолец Михаил А. Минский[38].

[38] Архиепископ Минский Михаил (Голубович) (8 ноября 1803 — 6 марта 1881).
Родился в селе Высокое Брестского уезда Гродненской губернии в семье униатского священника. 14 сентября 1828 года рукоположён во священника (униатского). Активно участвовал в подготовке перехода униатов в Православие, много ездил по приходам, и принимал непосредственное участие в работе Полоцкого собора в феврале 1839 года, принявшего решение о воссоединении униатов с Русской Православной Церковью. С 1 марта 1848 года — епископ Минский и Бобруйский. 19 апреля 1853 года возведён в сан архиепископа. Внес огромный вклад в укрепления Православия в Минской губернии. Стараниями Владыки были заведены церковные училища в каждом приходе — при местной приходской церкви. По отчету самого Преосвященного таких церковно-приходских школ в Минской епархии насчитывалось более 500, в которых обучалось 11 тысяч учащихся. Явился инициатором возведения одного из красивейшего и поныне действующего храма в русском стиле - Церкви

P. S. Вице-Губернатор вчера получил от графа Келлера телеграмму, чтобы правителя канцелярии Писканова с формулярами чиновников выслать в С. Петербург.

Ваше Высокопревосходительство

Письмо Ваше живительно порадовало меня сегодня: читая в нем добрые Ваши слова, я благодарил Вас душою за добрые Ваши чувства и благорасположенность ко мне и семье моей. В последнюю бытность мою в Минске, председательство в комиссии очень отвлекало меня и от посещений Вашего Высокопреосвященства и от нашего общего дела, так глубоко мною любимого. Вы не раз изволили выражать сетование Ваши, что это дело не преуспевает, и я первый с душевною скорбию видел невозможность мою и быть председателем в этой злосчастной для меня Комиссии, и осматривать, по Епархии сельские церкви для определение их починок и построек, и хотя я, как говорится из кожи лез, чтобы двинуть дело, я боялся, чтобы

святой равноапостольной Марии Магдалины на Сторожевском кладбище в Минске. 23 января 1868 года уволен на покой по собственному прошению с пребыванием в Жировицком монастыре. (Прим. Составителя)

Ваша благосклонность ко мне не убавилась, чтобы Вы не приняли последствие за причину и вместе с моими недоброжелателями не винили б меня—без всякой моей в этом вины.

И как нарочно Божием попущением болезнь тяжелая поразила меня так не вовремя. Ваше Высокопреосвященство могли и знать меня коротко и видеть мои правила, чувства, мысли, направления, недостатки. Верьте: не раз самая жизнь мне была в тягость от этого безвременья, от многих горьких прискорбных неудач, от многих жизненных тяжких потерь. Сильна-хоть и мягка— душа моя, тверд, —хотя и гибок, мой характер, всегда чиста и безупречна моя совесть, иначе я не вынес бы стольких огорчений. Всю жизнь мою я беспрерывно наблюдал за собою, и верьте, не смотря на множество недостатков моих, или может быть благодаря им, ложась спать, я всегда думаю: как-бы мне завтра встать нравственно, духовно лучшим, чем я был сегодня... а вся жизнь моя шла по самым острым трениям и колючкам; во вею жизнь я так мало, так мало видел улыбок счастья и так много хмурых, черных дней; столько страшных потерь я перенес... И часто, часто в раздумья пред новым постигавшим меня горем, я спрашивал себя: „откуда мне сие? чем я прогневал Бога? в чем согрешил? Потому что невольно всякое незаслуженное,

неведомо нам грядущее горе, мы приписываем наказанию Божию за какие-нибудь грехи. Так и я не знаю покой, именно грех мой вызвал мне болезнь мою; в минуты, когда мне так необходимо было побольше здоровья и сил, которые мне изменили так неожиданно и так безвременно. Когда после долгих страданий желудка и кишок виднелся проблеск возвращение здоровья, я уже стал готовиться к поездке в Минск, в Ваше по-прежнему главное ведение, об этом я писал Вам. Но болезнь не удалилась: сухой кашель с рвотами, боли груди и горла, а наконец огромный, беспрерывные кровотечение 56 дней сразу—меня чрезмерно ослабили. И вот еще сегодня врачи запрещают мне выехать из дому даже в Петербург ранее 2-х—3-х недельного срока и то при теплой погоде, а большую поездку предпринять до совершенного открытие весны, ранее конца апреля или начала мая, никак я не мог бы. С приезда моего и до сегодня я еще не был в С -Петербурге. Между тем и по (настояниям (говорят) Вашим и графа Эд. Ф-ча поспешить, присылкою к Вам кого ни будь, чтобы как-нибудь поскорее взяться за продолжение дела мною начатого и по болезни моей, которая в эту зиму препятствовала (говорят) правильному ходу и преуспеянию церковностроительных работ, —непременно назначать к Вам другого деятеля. Искренно всей

http://aspects.su/

душою сожалею, что дело, ставшее высокою целью моей жизни, которое изучил я специально и основательно во всех возможных отношениях, которое вел так усердно, внимательно, бескорыстно, с таким самопожертвованием и потерями невозвратными, с таким сердечным желанием добра и пользы Государству, народу, духовенству, и церкви, и всем трудящимся для неё, что дело это теперь, по болезни моей, во время зимы перейдет в другие руки. Жаль, что оно не было передано летом, когда и до прошлой зимы не пропало бы много времени, и я, находясь еще в Минске, мог-бы по крайнему разумению моему пособить преемнику труда—ближе ознакомить его с делом мне хорошо известным. Пользы, собственно, для церкви, было бы тогда больше. Жаль, очень жаль—говорю я, но личные сетование мои теперь уже ничего не значат. Под опытным руководством Вашим, с могучими всесторонними содействиями Губернатора и здешнего начальства, верно, теперь церквестроительство подвинется быстрее и лучше. В сущности я действительно того, убежденья, что в чьих бы руках святое дело ни было—лишь бы оно выигрывало, лишь бы шло к лучшему, вернейшему успеху: Божью ниву кто-бы ни возделывал, лишь бы она была получше возделана, кто-бы ни трудился, лишь бы побольше пользы было

от его труда, хотя бы безмезднаго, даже не признанного, или осуждаемого, как иной раз мои смиренные, но совестливейшие труды. Конечно не всякий будет иметь в душе более глубокую преданность к пользам церкви православной, более стараться соединить ее с разумною преданностью Государству, заботливостью о пользах духовенства и народа; иметь более сердечного влечение к Вам, Преосвященнейший Владыко, как отличному Архипастырю и превосходному человеку, о котором я здесь и везде немало добрых слов говорил и писал!! Писал я уже Вам, кажется, что никакая железная воля, никакое железное здоровье не устоять пред волей Провидение под ударами судьбы. И в этом случае каждому, хоть и не оптимисту, надо искать лучшего, новые деятели будут иметь новую поддержку у делопроизводителей здешних, поддержку, которой (к сожалению для пользы церкви) я не имел, напротив... следовательно, все пойдет отлично. Ведь пословица говорить: „на кого Бог, на того и люди"; может быть Провидение, заботясь о православной церкви, послало мне болезнь, чтобы избрать себе другие лучшие сосуды, боле менее достойные, более счастливые. И дай Бог! О, дай Бог успеха церковному, делу! Из глубины души молюсь, и да услышит Господь грешные молитвы мои!

http://aspects.su/

От зоркого внимание Вашего конечно не ускользнул один из главных, более резких недостатков моих: „излишняя прямота и слишком откровенная, правдивость". Как бывает обыкновенно, я вижу, замечаю этот порок в других и думаю: к чему он? В наш гладко-выполированный век" когда стараются и думают придать мягкость и нежность каждому, даже смертельному удару, наносимому душе врага, когда так ловко умеют золотить самую ядовитую пилюлю, и дать не только приличные и законные, но даже приятные формы поступкам самым неблаговидным, иной раз делам вопиющей несправедливости, к чему эта неуместная правдивость, самостоятельная откровенность, не сгибающая прямота? Говорят: век рыцарства минул, чтобы ратовать за правду, —ради одной правды. Нынче ваше здоровье нагоняет болезнь вашим врагам, ваши удачи сокрушают и терзают, делают вам целые массы новых врагов и никто из них не простит вам ничего никогда, в особенности ваших достоинств, нынче слово правды часто более делает недовольных, более озлобляет, нежели самая наглая бесстыдная железная ложь, мило и ловко сказанная... Все это я знаю и никак не могу одолеть в себе того порока; он сильнее, меня и я не мог не поддаться ему опять, беседуя с Вами в этом письме тотчас же по получении Вашего доброго

письма, прямо и откровенно высказываясь и в моих простых бесхитростных словах выражая всю душу мою, которая для Вас всегда была открыта беззаветно. Дай Бог, - чтобы перебирая в Вашей обширной и много-объемлющей памяти калейдоскопе лиц и событий—всегда связанных между собою в делах земных, как бы в волшебном фонаре промелькнувших перед Вами и Вашу многоопытную жизнь, Вы, при случае останавливали на мне доброе воспоминание и судили бы обо мне не так как судят иные, незнающие меня, или ненавидящие „правды ради". Прости им Господи! А Ваше Высокопреосвященство в моей памяти, в моем сердце остались всегда светлой чертой, как человек достойный истинного уважения и особой, самой искренней, глубокой привязанности, которою полна душа моя.

Теперь, я опять в раздумье стою на распутье жизни, без ясно определенного дневного служебного занятия, с едва начавшим выздоравливать телом, с больною разбитою, душой... Помилуй меня. Господи! Помолитесь обо мне, благословите меня, Преосвященнейший Владыко!

Жена моя очень серьезно нездорова и мои дети просят того же Вашего Архипастырского благословения.

Касательно Вашего поручение о постройке служб я переговорю с братом при первом свидании (недели через 2 или 3) ни немедленно уведомлю Вас об ответе. А во Св. Синоде денег нет, это верно.

Позвольте при этом напомнить Вам обещание Ваше подарить нам в семью нашу Ваш портрет масляными красками. Если, эта мысль и слово не забыты Вами, прошу Вас исполнение не откладывать в долгий ящик. Любя Вас истинно, я решаюсь возобновить эту просьбу мою.

Душою Вам преданный *П. Мейер. 19* февраля 1862 г. Царское Село.

Минск, 16 марта 1862 г.

Милостивый Государь

Петр Мартинович!

Третьего дня я получил письмо Ваше от 19 истекшего февраля. Послание это, исполненное сетований на судьбу, на врагов, на неудачи серьезно испугало-б меня, если б я не звал, что Вы

..... [39] что в таком состоянии человек поддается крайней мнительности. Не в пылком ли воображении Вашем гнездятся враги Ваши? А если и так, то кто-ж их не имеет? Кто из смертных не подвергается неудачам, скорбям, болезням? Только малодушные падают под неудачами, Вас же я причислял к древним, стойким, у которых было правилом ..... . [40]но повторяю, Вы.....[41] и мнительность одолела Вами. Надеюсь, что и здоровье Ваше скоро укрепится, оправится жена Ваша и Вы поспешите с приездом в Минск для продолжения трудов по устройству церквей Минской Епархии.

Пишете, Петр Мартинович, будто-бы (как говорят) по настояниям моим и Графа Э. Ф. назначать на место Ваше иного деятеля для церковностроительных работ. Удивляюсь, что Вы, - Петр Мартинович в основание такого убеждение принесли пошлое *говорят,* уверяю Вас, честным словом, что подобное настояние мне и в ум не приходило. Правда, что, предусматривая будущие помехи от проявившегося здесь польского патриотизма, я полушутя попрекал Вас за неуспешность дела: но тогда, как и ныне, считаю Вас незаменимым по Вашим способностям, опытности, любви к подобного

[39] Написано лат. шрифтом неразборчиво, —Редак. Скрынченко
[40] Написано неразборчиво, —Редак. Скрынченко
[41] Написано неразборчиво, —Редак. Скрынченко

http://aspects.su/

рода занятиям, честности, испытанному бескорыстию и примерной энергии в делопроизводстве. Надеюсь, что начальство с такой же стороны знает Вас и что только в крайности расстроенного здоровья Вашего решится заменить Вас другим.

И так, по вышесказанному я остаюсь в полной надежде, что Вы, Петр Мартинович, возвратитесь к нам для продолжение начатых работ, лишь бы Господь скорее восстановил ни укрепил Ваше и Марии Ивановны здоровье, чего от всего сердца желаю Вам и себе.

Ваш и Вам неизменно преданный слуга и Богомолец *Михаил А.* Минский.

P. S. Масляный портрет мой взял для скопирования известный Вам живописец Ходасевич и он еще не вернулся из Бобруйска.

Копия.

ВАШЕ ВЫСОКОПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО.

Когда, при занятиях церковностроительным делом, Вы изволили возложить на меня обязанность Председателя Минской Комиссии по политическим делам, это было в самый

разгар последних мятежных усилий взволновать умы жителей Западных губерний для увлечение их в явный бунт против Русского Правительства. Эпоха была слишком замечательной, чтобы я мог равнодушно пропустить ее мимо глаз, не занеся в мои заметки—хотя как память пережитых в 1861 году необыкновенных смут и тревог,—начиная с самого первого проявления еще безоружных мниморелигиозных мятежно политических манифестаций в Вильно, чрез которую 6-го Августа проезжал я в Минск.

Набросив заметки по ежедневным событиям в краю, мне довольно известном, видя и зная все совершавшееся вблизи меня, имея сношение серьезные совсем высшим местным Начальством и с жителями губернии, и следя за волнователями края,—невольно пришел я к мысли, что для правительства было бы не лишним иметь в виду и эти заметки. Тотчас-же дал я переписать их для представления Вашему Высокопревосходительству. Но едва они были заканчиваемы перепиской, как я опасно заболел (что известно и Вам) от употребления пищи, имевшей в себе яд медянки. Едва я выжил, едва весною 1862 года мог явиться к Вам.

Не получив разрешение в свое время представить Вам мою записку и потом слыша

http://aspects.su/

отовсюду полную уверенность в совершенном спокойствии края, благодаря мерам, принятым Правительством,—полагал я, что мои заметки ошибочны и утратили значение свое для всех, кроме меня, и то как одно воспоминание о давно прошедшем, всеми забытом. Вдруг так быстро возникли и разлились кровавые события, подтверждающие горькую истину многих слов в заметках моих... Хотя нет сомнения, что эти недозревшие вспышки, не имеющие материальной силы будут непременно подавлены, но связанные с этими событьями усилия Поляков охватить мятежом западные губернии, указывая на продолжение в них тех же давних замыслов,—налагают на меня обязанность, как на русского и верноподданного, представить мои заметки Вашему Высокопревосходительству и просить Вас повергнуть их благовоззрению ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА,—в том предположении, что верный очерк (от 1 до 50 стр.) политического положения Минской губернии в 1861 году может уяснить взгляд на общее положение края, более или менее, сходное с состоянием Минской губернии; указание-же обширных пределов зла может дать идею о средствах, клонящихся к тому, чтобы в будущем сделать невозможными и попытки и желание восстать и отторгнуться,—связав этот край с Россией более прочными неразрывными узами. С того

времени, как заметки мои были переписаны в Минске (писарем Губернского Жандармского штаб-офицера и чиновником Палаты Государственных Имуществ) прошло более 15 месяцев, и правительство приняло много полезных мер, который исключают многие указание мои из 2-й части заметок;—но я не отделяю их для того, чтобы Ваше Высокопревосходительство могли видеть всю искренность желания моего быть полезным Государству (по моему крайнему разумению), хотя бы я и ошибался в выражениях этого желания и в предположенных мною тогда мерах; чтобы Вы изволили оценить всю прямоту моих слов о предмете таком жгучем и не безопасном, сказанных в совершенную пору, сказанных очевидцем, душевно любящим свое отечество.

Прошу Ваше Высокопревосходительство принять благосклонно подносимые заметки с приложениями—в том виде как они составлены и переписаны в Минске в октябре 1861 года, и верить глубокому почтению моему и совершенной преданности. *Подписал П. Мейер.*

Гор. . Царское-Село, 31 Января 1803 года.

Его Высокопревосходительству

Петру Александровичу Валуеву.

http://aspects.su/

Приложение к Запискам

(Польские прокламации).

ВЕЛИКОРУСС [42]

Выслушав отчеты своих членов о мнениях, высказываемых., в публике по поводу вопросов в Великоруссе, комитет пришел к следующим заключениям.

По первому вопросу:

Водворение законного порядка—общее желание просвещённых людей. Большинство их

[42] Польская прокламация в газете, издаваемой в С. Петербурге в ложном духе истиннорусских крестьян. Приведенная газета-листовка «Великорусс» являлась одним из многочисленных агитационных изданий Комитета русских офицеров в Польше в период подготовки Польского восстания 1863-1864 годов. Комитет русских офицеров в Польше — революционная организация, существовавшая в 1861-1863 в войсках на территории Царства Польского и отчасти западных губерний России. Комитет возник около 1861 года по инициативе поручика 4-го стрелкового батальона Василия Каплинского, ранее участвовавшего в петербургском кружке генштабистов (офицеров-поляков), как подпольная революционная организация в русских войсках, расквартированных в Польше. Затем Комитет возглавлял поручик Андрей Потебеня. В 1861-1862 гг. комитет развернул агитационно-пропагандистскую деятельность, выпустив большими тиражами свыше 16 прокламаций. В период восстания 1863-64 оказывал помощь повстанцам всеми доступными средствами (Прим. Составителя).

сознает, что главнейшие условие для того таковы: хорошее разрешение крепостного дела, освобождение Польши и конституция. Помещичьи крестьяне по своему понятию об ожидаемой ими к весне 1863 года воле разделяются на две партии. Одна думает, что вся земля, поместья должны перейти в собственность крестьян, т. е. и земля, бывшая в пользовании помещика; никакого выкупа за землю платить крестьяне не должны; помещики, потеряв решительно всю землю, удалятся из сел в города; вознаграждение получат они от Государства (по выражению кр., Царь возьмет помещиков на свое жалованье). Партия, непременно ждущая такого решения, очень многочисленна между крепостными крестьянами; она неизбежно возьмет верх, если нынешнее положение дел продолжится. Другая, так сказать, умеренная партия полагает, что крестьяне должны получить только всю ту землю, какою они пользовались при крепостном праве со всеми угодьями, в пользовании которыми они участвовали, т. е. с рыбными ловлями и частью леса; но земля, которою пользовался сам помещик, может, по их мнению остаться за ними. О выкупе и эта, партия думает точно так же, как и первая, т. е. совершенно его отвергает. Теперь эта умеренная партия слабее первой, но можно надеяться, что она привлечёт к себе всех крестьян,

http://aspects.su/

если вопрос будет разрешен чисто в их духе. Эта надежда основывается на том, что крестьяне еще не организовались для общего восстания, эпохою которого, будет лето 1863 года, если весна его не обманет их. Но должно помнить, что выкуп отвергают единодушно все крестьяне, о требовании с них выкупа нечего и думать людям, желающим чтобы они остались довольны решением вопроса; если же крестьяне останутся не довольны, законный порядок не может водвориться путем мирных реформ, потому что удерживать крестьян в спокойствии надобно будет, как теперь, военными мерами. А власть, действующая такими мерами против массы населения, не будет соблюдать законности ни в числе; в таком случае законность будет введена только вследствие революции.

Итак для мирного водворение законности необходимо решить крестьянский вопрос, в смысле удовлетворительном по мнению самих крестьян, т. е. Государство должно. отдать им по крайней мере все те земли и угодья, которыми пользовались они при крепостном праве и освободить их от всяких собственных платежей или повинностей за выкуп, приняв его на счет всей наций.

По той же самой причине русские приверженцы законности должны требовать

безусловного освобождение Польши. Теперь стало ясно для всех, что власть наша над ней поддерживается только вооруженною рукою. А пока в одной части Государства власть над цивилизованным народом держится системою военного деспотизма; правительство не может отказаться от этой системы в остальных частях государства. Вспомним слова Чатама при начале восстание Американских колоний: „Если Английское правительство подчинит деспотизму Америку, сама Англия подвернется деспотизму." Потому он, со всеми друзьями свободы Англии, требовал, чтобы английские войска были выведены из недовольных колоний. Точно также интерес Русской свободы требует освобождение Польши.

Наша народная гордость, любовь к нашему народу и финансовый; расчет требуют того же. Наша власть над Польшей основана только на том, что мы нарушили все условия, под которыми Царство Польское было соединено с Россией на Венском конгрессе. Мы обязались тогда, что оно будет иметь конституцию, полную независимость внутреннего управление и свою отдельную, чистую национальную армию. Мы изменили этому своему слову. Мы остаемся в глазах всей Европы обманщиками.

Чтобы сохранить господство над Польшей, мы должны иметь двести тысяч войска, тратить ежегодно до сорока миллионов наших собственных денег, кроме тех, которые берем с Польши. Наши финансы не придут в порядок, пока мы будем делать такую трату, Сотни тысяч женщин, стариков и детей остаются у нас без средств к жизни, потому что работники их семейств отведены на Запад удерживать, Польшу в рабстве, столь разорительном для нас. Эго разорение мы будем терпеть, пока, не откажемся от Польши совершенно. Поляки не удовольствуются ничем, кроме полной отдельности от нас. Мы должны вовсе уйти из Польши, чтобы избавиться от разорения. Если мы сделаем это добровольно, поляки станут уважать нас, как людей умных, полюбят нас, как людей честных. Если мы не сделаем это сами, поляки всё-таки скоро освободятся, они ждут только первого случая, чтобы восстать поголовно. И нам не удастся подавить их теперь, как при Паскевиче, потому что нет теперь в Польше внутреннего раздора, которым мы тогда были обязаны гибельным для нас торжеством. Польские патриоты решили отдать крестьянам землю даром, не смотря на усилие нашего правительства раздувать вражду между сословиями в Польше. Польские крестьяне знают об этом и одушевляются

патриотизмом, а потому нам невозможно будет, теперь победить польское восстание. И так вопрос о Польше для нас - русских состоит только в том, станем ли мы ждать, чтобы нас с позором выгнали из Польши?

Освободившаяся нация отнесется тогда враждебно к нам. Или мы будем так умны, что сами добровольно откажемся от владычества разорительного для нас и сделаем поляков верными друзьями нам. Та же самая надобность уничтожить, систему вооружённого насилия требует, чтобы дана была и населению Южной Руси [43]— полная свобода располагать своей судьбою по собственной воле. Теперь этот народ не мог высказать своих желаний. Но известно, что он крайне недоволен нашим господством. До каких бы требований не довело это неудовольствие, мы должны уступить им. Если он захочет отделиться совершенно—

[43] Здесь в листовке, редактируемой поляками, под Южной Русью имеется в виду Малороссия или нынешняя Украина. Собственно идеи украинского сепаратизма и превращение малорусской ветви русского народа в отдельную и враждебную русским нацию – это изначально польский проект, который стал активно разрабатываться после поражения Польского восстания 1830 года в среде поляков-хлопоманов, ставших теоретиками украинства и первоначальными творцами украинской «историографии» и мифотворчества. В этом документе мы видим уже эту польскую интригу с украинством в стадии оформления в политическое движения. (Прим. Составителя)

пусть отделяется. Захочет ли он этого, мы не знаем, да и сам он едва ли решит это при настоящей своей безгласности. Но судя по живому чувству страданий от нашего деспотизма, можно ожидать, что при первой возможности подумать о своей судьбе, он захочет отойти от нас. Будем готовы, и мы на такое решение. Мы, Великорусы, достаточно сильны, чтобы остаться одним, имея в самих себе все элементы национального могущества. Гордые своей силою, мы не имеем никакой нужды искать, по примеру Австрии, вредного для нас самих искусственного могущества в насильственном удерживании других цивилизованных племен в составе нашего Государства. Мы можем вполне признать права национальностей. Мы необходимо должны это сделать, чтобы свести и упрочить у себя свободу. Вот объяснение имени, носимого нашей газетою. На вопрос о Южной Руси еще только возбуждаем мы сами, предлагая его на рассмотрение южно-руссов. Вопрос о Польше требует немедленного практического решения. Оно—вывод наших войск из Польши[44] и всех земель, где масса народа или говорит по-польски,

[44] В данном случае под Польшей подразумеваются и земли всего Северо-Западного края, включая и нынешней Республики Беларусь. О том же, что это польские земли, потом во время восстания 1863 года напоминал Викентий Константин Калиновский в своих газетах-листовках «Мужицкая правда» (Прим. Составителя).

или привязаны к прежней униатской вере, потому что во всех этих местах народ имеет, если не имея поляков, то польский дух[45]. Еще не все либеральные русские убеждены в необходимости такого решение крестьянского и польского вопросов; некоторые думают ограничиться половинными уступками. Такие взгляды оставляют без внимание связь этих вопросов с конституционным. Рассмотрев же их по отношению к этому коренному делу, нельзя не видеть что никакое решение их, кроме изложенного, не ведет к главной цели — упрочению конституции у нас. Это желание либеральных русских может исполниться только при полном удовлетворении поляков и крепостных крестьян; если останется, надобность подавлять тех или других оружием, законный порядок не возможен у нас самих. Эту точку зрение комитет настоятельно рекомендует вниманию русских конституанистов.

Все согласны в том, какие черты законного порядка должна установить конституция. Главная из них: ответственность Министров, баллотирование бюджета, суд присяжных,

[45] К униатской вере привязки у населения вовсе не было в 1961 году спустя 22 года после Полоцкого церковного собора 1839 года, разорвавшего церковную Унию с Римом. Тоже касается и «польского духа». (Прим. Составителя).

свобода исповедания, свобода печати, уничтожение сословных привилегий, самоуправление по областным общинным делам. Но чего требовать? того, чтобы Государь даровал конституцию, или чтобы он предоставил нации составить ее? Правительство не умеет порядочно написать даже обыкновенного указа; тем менее сумело бы оно составить хорошую конституцию если бы и захотело. Главнее всего оно хочет сохранить произвол; потому под именем конституции издало бы оно акт, сохраняющий при новых словах прежнее самовластие.

И так требовать надобно не активирования конституции, а сования Депутатов для свободного ее составления. Для выбора представителей нужна свобода печати, право популярным людям составить из себя, в каждой губернии распорядительный комитет, с подчинением ему всех губернских властей, составление временного избирательного закона популярными лицами, которых укажет голос публики. Следующий номер Великорусов, изложив вывод из мнений, высказываемых по вопросу династии, представить на рассмотрение публики способ действий наиболее сообразный с нынешним настроением общественного мнения.

О ВОССТАНИИ ПОЛЬШИ.

Поднимаем предмет, который неоднократно был уже рассматриваем, который прошел чрез теоретическую критику, - чрез опыты практические; и, несмотря на то, все еще не исчерпан—потому, что не разрешил задачи, которую предложено ему решить. Мы говорим о восстании Польши.

Размышляя о Польше, останавливаясь над ее прошедшим и настоящим положением, сравнивая состояние это с политическим положением Европы, и совокупляя гадательно все благоприятные и неблагоприятные обстоятельства, могущие иметь прямое или косвенное влияние на быт отчизны нашей,—нельзя не прийти к тому окончательному заключению, что политическое „существую" („jestem") Польши прежде всего зависит от неё самой, и что независимого существования своего Польша не выпросит, не вымолит, не дождется, не выиграет в лотерею, не выторгует не придумает и судом не докажет.

Один, единственный только путь остается ей достигнуть независимости это: взяться за оружие, т. е. произвести восстание народное.

http://aspects.su/

Итак, весьма возможно для нас как можно чаще обращать мысль нашу к восстанию и уяснять перед собою и перед другими пути, ведущие к нему.

Вопрос восстания должен быть рассматриваемым с двух сторон: 1) со стороны необходимости его и 2) со стороны возможности.

Необходимость и возможность... о первой не было бы и речи, если бы ошибочное и ложное, а иногда и преступное увлечение некоторых политических партий польских не возбудили сомнений и не сделали бы путаницы в соображениях поляков относительно обязанностей их к отечеству. Поэтому мы обязаны обширнее обдумать необходимость восстания, и отдельно рассмотреть необходимость и отдельно возможность.

Необходимость восстания.

Необходимость восстание делится на политическую и нравственную. Политическая сторона основывается на той аксиоме, которая выражена Маврикием Мохнацким следующими словами: „в политике пока станет надежды, будем надеяться, не полагаясь даже на наши чувства". (Powst. nar. pol. t. 2 str. 699). Из этого

возникает вопросы: Какая Польша в настоящем положении дел политическими может занять место в соображениях: та ли, которая, подавая явные признаки жизни, домогается правь существования; или та, которая, довольствуясь с покорностью настоящими положениями своими, позволяет только догадываться, что она существует. Не надо быть глубоко ученым, ни очень умным человеком, чтобы дать удовлетворительный ответ на этот вопрос. Несмотря на то, однако же, доходили и доходят к нами рассуждения, указывающие на дипломатические лабиринты, как на нормальный путь, которым Польша достигнет независимости, ссылаясь на пример княжеств Дунайских и Италии, которые дождались удачных результатов от такого рода комбинации. Довольно сравнить положение Польши с положением княжеств и историей Италии, чтоб видеть полную нелогичность этих примеров.

Княжества Дунайские признают верховную власть Порты, борющейся со смертью. Турция—это тот Николаевский „больной", которого лечением занимается Россия, с свойственною ей заботливостью. Россия уже давно объявила необходимость сделать ампутацию некоторых членов Турции, —и так явно, что в регламенте органическом, изданном Киселевым, который, по окончании войны 1828-го

1829 годов, устраивал Княжества, предусмотрено соединение Молдавии и Валахии. Так это соединение, будучи простым последствием заботливости Петербургского кабинета, пользующего больную Турцию ослабляющими средствами, никак не может подать надежды больной Польше, чтобы, консилиум, в котором главную роль играет Россия, прописал для неё средства укрепляющие. Завися от болящей Турции, как от верховной владычицы, а от могущественной России, как от попечительницы, а также и от Европы, заинтересованной восточным вопросом, и в особенности отношениями кабинета Петербургского к Высокой Порте, отношениями, составляющими всю трудность восточного вопроса,—княжества могли дождаться соединения. Кабинеты, которые не боятся могущества России на востоке, согласились на это соединение. Кабинеты, не опасающиеся этого могущества, сказали свое слово „veto". Но большинство оказалось за соединение. Молдавия и Валахия достигли его без возмущений, без жертв, без кровопролития, спокойно дождались того, что Россия обещала им еще в 1829 году и за что Молдаване почтили Киселева памятником в Яссах. Большинство дипломатов могло склониться в пользу княжеств потому, во-первых, что они аргіогі имели голос России, обещанный им за 25 лет пред тем,

и голос Франции, данный от желания соединения, объявленного Молдавским и Валахским диванами. Голос этот княжества получили в свою пользу потому, во—вторых, что каждая из пяти великих держав, составляющих дипломатический ареопаг, участвовали в деле княжеств не как истцы, но как судьи, заинтересованные в деле не прямо—а косвенно. А потому результата мог быть для княжеств справедливым и благоприятным. Дело шло только о приобретении голоса Пруссии, менее всех заинтересованной в этом вопросе...

Такое ли положение Польши? Польша между пятью великими державами, разрешающими вопрос, имеет против себя разом три голоса, с давлением всей немецкой конфедерации, находящейся под влиянием Австрии Пруссии. Поэтому на первых порах польский вопрос дипломатика не только не возьмется разрешить окончательно, но даже и не прикоснется к нему, — потому что Россия, Австрия, Пруссия не допустят даже принять его в рассмотрение.

Священный союз, не существующий—как уверяют— для всякого другого дела, —действителен во всей своей силе только относительно Польши. Между пятью великими державами нельзя и придумать такой комбинации, в которой бы большинство объявило себя в

http://aspects.su/

пользу Польши, и могло бы выдвинуть ее не только из полузависимости, в которой были княжества в отношении к Турции, но даже при зависимости Польши от трех первоклассных держав дать ей полузависимость от них. Не составляя себе мечтательных надежд, а взглянув прямо в глаза дипломатам, мы увидим, что они в отношении к Польше находятся в следующей пропорции: три голоса из пяти—явно враждебны Польше; а два из пяти—дружественны условно, а потому и ненадежно.

Допустим (ведь во всех расчётах, даже и в политических, предположение дозволены), что две пятых из пентархии дипломатической искренно и сердечно желали бы независимости Польши... каким *же* способом могли бы они заставить три пятых согласиться с ними? Очевидно, что тут не нужны ни конгрессы, ни конференции, ни ноты, ни мемории, но война, т. е. союз Франции с Англией против России, Пруссии, Австрии и всей средней Европы; следовательно война за Польшу, разделение дипломатов на два лагеря, неимение посредников и примирителей... и все таки война,—как и сколько, об этом не рассуждай! Спрашиваем теперь, возможна ли такая война? Возможности такой войны допустить должно в таком только случае, если бы Польша сама вызвала, т. е. если

бы так возмутила мир в Европе, что для возвращение его, для обеспечения своих собственных интересов, поставленных в столкновение с противоположными интересами трех северных держав, Франция и Англия вынуждены были бы оружием образумить завоевателей и делителей Польши и заставить их удовлетворить во всех отношениях домогательства поляков. Здесь вот можем взять в пример Италию... Правда, —Италия совсем в других отношениях к Австрии, нежели Польша к трем врагам своими; дело Италии гораздо легче! однакож была-б Италия восстановлена, если бы Ламбардо—Венеция была довольна Австрийским правлением? Рассмотрим историю последнего десятилетие (с 1848-го до 1858 годов). Италия в постоянном кипении, брожении; ни на один час беспрерывная борьба не перестанет между итальянцами с одной, а немцами и всеми их союзниками, с другой стороны. Заговоры следуют за заговорами; взрывы следуют за взрывами; убийства, явные и тайные, и казни не прекращаются ни на минуту; а из этого всего, о чем порядочные люди с ужасом говорили, против чего добросовестная литература восставала с благочестивым негодованием, —изо всего этого возникает война за независимость Италии. Те же, которые верят в чужую помощь и надеются на нее, должны помнить, что никакая

http://aspects.su/

помощь не спадет для Польши „ни с того, ни с сего", не придет „вот так себе", а нужно ее устроить, нужно вызвать. Для чего не пособить? —пособят! но если будет кому; если мы разовьем такие силы, на которые можно будет рассчитывать, т. е., если выработаем у себя состояние постоянной борьбы, постоянного ничем не усмиряемого мятежа. Англичане подвозят черкесам на Кавказ амуницию—потому что черкесы беспрерывно дерутся.

Франция, Россия и Англия соединились на помощь греками (1827 г.) тоже потому, что греки сражались; за Сербию вступилась Россия,—потому что Сербы дрались; Итальянцам спешит си помощью Фракция,--потому что итальянцы не давали Европе покоя; даже бедная микроскопическая Черногория привлекает к себе постороннюю помощь,—потому только, что черногорцы постоянно воюют. Греки, Сербы, Итальянцы, Черногорцы—дождались помощи в войне, которую они вели сами; но не в ожидании помощи для начала войны. Чехи, Болгары не воюют, так никто об них и не думает; никто не домогается прав самобытности и обеспечения народности тех народов, которые сами о себе не думают, сами о себе не напоминают. И Польшей интересовалась Европа, пока Польша, хотя слабо и легко, боролась с грабителями. До 1848 года была она и мыслях и

на устах дипломатов; после 1848 г. она забыта. От чего? Вот теперь, положа руку на сердце, скажем себе откровенно: от того, что мы увлеклись ложными толкованиями и дипломатическими софизмами, —от того, что в сердца наши закрался страх кровопролития, тот страхи, который, под предлогом сострадание к могущим осиротеть матерям, сестрам, женам, бабушкам и коханкам[46], называется попросту трусостью. И хотеть, чтобы Европа помогла трусами? Хотеть, чтобы трусами интересовались дипломаты?? — это значить желать невозможного. Европа и дипломаты видят Польшу,—благоденствующую под милостиво-отечески просвещенными правительствами: исторические имена поляков красуются в списках верных слуг наших Царство—грабителей; шляхта в общественных совещаниях своих освещает порабощение края; поэты ноют гимны в честь Царя; ксендзы молятся за Царя и Короля; так, конечно, дипломаты имеют полное право вовсе не заботиться о судьбе Польши. Настоящее проявление жизни Польши ясно доказывает Европе, что Польша вполне довольна своими положением, что она отреклась от самобытности и вовсе не думает о ней. Утверждают, будто некоторые государства желали бы ослабить Россию; в этом нет - сомнения, но кто именно?

[46] Любовницам

Прежде всех архибольная Турция, потом сограбительница Польши—Австрия; наконец могущественная на море Англия. Характер этих естественных врагов России такого рода, что нет возможности склеить из них какую ни будь помощь для Польши; потому что в вопросе польском Австрия отделяется и становится на сторону своей сообщницы России[47], потому что Турция отделяется как слишком слабая, а Англия сильна только на море; помощь их возможна только впоследствии, т. е. она может прийти в помощь только к совершившемуся уже в Польше восстанию. Можно надеяться, что английские и французское корабли прибудут к берегам польским, подвезут оружие и

[47] Аристократия польская, порождение раздробления края, которую на угнетение нас подарили нам грабители наши, наделила нас дипломанткой, которой исходною точкою за несколько лет перед этим был вымысел о полном и неразрывном соединении Польши с Россией, а теперь дипломатика этой аристократии вращается в круге мысли спасение Польши Австрией. Некогда она имела девизом соединить славу Александра I-го с благоденствием и воскрешением забытой Польши (читай воспоминание о народном восстании Польши, М. Мохнацкаго, от стр. 686 до 715); теперь она хочет соединить уж не знаем, что, — разве набожность Франца Иосифа с независимостью Польши. Сколько было смысла в первом,—показала история; сколько смысла во втором —представляем судить здравомыслящим читателям по часто повторяющимся, то со стороны России, то со стороны Австрии, предупреждениям „не касаться вопроса польского", как скоро в Европе коснутся оружием какого либо дела, имеющего хотя самое отдаленное отношение к Польше.

амуницию; но только в таком случае, если эти берега покрыты будут корпусами восставших, возмутившихся поляков, которые употребляют на обоюдно полезное для каждого из них дело (Англо-франко-польское) это оружие и амуницию. Можно смотреть на Турцию, прямо как на основание военных операций, но только в таком случае, ежели она будет служить опорою для корпусов мятежников, действующих на Украине. Можно не беспокоиться об Австрии, но только тогда, ежели ее займет восстание Галиции, связанное с Венгерским[48]. Можно, наконец, рассчитывать и на Францию, которая в таком деле, как польское, не станет против Польши; и если не пришлем ей своих зуавов,—в чем даже и сомневаться не следует, то по крайней мере убедит Пруссию и Германию, чтобы они оставались в положении вооруженного или невооруженного нейтралитета—до того времени, пока Польша не добьется полной независимости. Но чтобы все эти „можно" было можно применить к нашему делу

[48] Очень важно для нас, как в политически революционном, так и в военном отношениях, поддержание союза, с соседними и смежными с Польшей знаменито храбрыми Венгерцами; —союза, который мы в 1848 и 1849 годах заключили, написали нашей кровью и утвердили на взаимном интересе вырваться из-под власти Габсбургского дома. Спрашиваем: для чего же некоторые поляки с 1849 года употребляли все способы и случаи, чтобы поссорить нас с Венгерцам?

в виде надежды, необходимо нам прежде всего восстать всем до одного.

„Без этого в Европе", говоря, как Хлопицкий выразился, о Подолии и Украине, „ни одной щепотки пороху нет для Польши, а у дипломатов нет ни одной капли чернила для ее польз". А потому необходимо, чтобы тем государствам, которые желают послабление России, мы доказали положительно, что они, не компрометируя себя, могут заключать союз с нами, чтобы мы в самом начале могли наверно доконать Россию. Необходимо, чтобы мы открыли им такое пространство, чрез которое они, не имея надобности идти окольными путями, или ощупью пробовать ее слабые стороны, и не прибегая к дипломатическим ухищрениям, могли ударить прямо на нее и прямо в эту слабую точку. Однако недавно мы видели, во что обратилась война восточная без восстания Польши.

Надо нам убедиться и вначале проникнуться мыслью, что помощь посторонняя в отношении к восстанию Польши будет соразмерно с самим восстанием её, т. е. чем восстание будет сильнее и больше, тем вернее и действительнее будет помощь. При первых стремлениях своих к независимости, Польша имела от Европы помощь только моральную, т. е. общественного мнения, потому что восстание ее

были лишь отдельные, частями, или мелкие , и кратковременные, а потому не возбуждали в Европе ни интереса, ни доверия.

Словом, здравое и ясное понятие политики, здравое рассмотрение взаимных отношений кабинетов и народных интересов, представляют нам необходимым и неизбежным восстание, восстание постоянное, непрерывное, всегда вооруженное, не входящее ни в какие соглашение с грабителями, даже упадающее для того, чтобы опять восстать с новой силой... Вот самый осторожный шаг политики, который Польша должна избрать, т. е. это будет самым практическим путем, который доведет ее до независимости и до соглашений и тесного союза с врагами ее врагов. Вне этого пути всякое голословное домогательство справедливости, всякое обращение к великодушию или сочувствию, или милосердному состраданию дворов, под какими бы то ни было дипломатическими формами, всякое заискивание пред врагами, называемое сметливостью или благоразумною умеренностью,—будет только напрасным умножением дела Польши и подкапыванием ее неродной нравственности.

Мы сказали в начале, что необходимость восстание Польши есть политическая и нравственная. Кажется же, что для всех, желающих

http://aspects.su/

понимать, мы здесь доказали достаточно политичность восстания[49]. Говорили мы только об одной внешней стороне восстания; о внутренней упоминать не будем потому, что больше всего относится она к эпохе самого восстания; во вторых потому, что в самом действии восстание всецело заключается и внутренняя нравственная его сторона.

Постоянно, беспрестанно мы слышим целые вереницы обвинений Польши в ее упадке нравственном; и беспрерывно мы встречаем примеры, доказывающие справедливость этих обвинений. Нравственное падение перестало уже быть изъятием.

Безнравственность, деморализация распространяется, как зараза, охватывает, как пламя пожара. Чтобы не упрекнули нас, что мы кружимся в сфере общих мест, имеющих то неудобство, что они смахивают на беспричинную брюзгливость ипохондрика,—расскажем, с поименованием мест и лиц, один пример, который пронял нас ужасом, как страшная драма, и

[49] Предваряем читателя, что все рассуждения о политичности восстание в Польше написано, абсолютно соображаясь с настоящим положением Европы и не касаясь нисколько возможности движений революционных, для нас благоприятных. В каком бы то ни было - положении Европы, восстание наше имеет всегда шансы на успех, — потому что Польша имеет право существовать независимо, даже хотя бы Европа была наиболее противодействующей.

который, без сомнения, поразит таким же ужасом, действующие в нем лица, если они не раздумают о своем положении. Театром этой драмы был уезд Трокский[50], в Литве; действующие лица: шляхта Трокская, —почтеннейшие помещики, владельцы значительных имений г. Иван Иванович Гагерштат (бывший давно 16 лет исправником Трокского уезда); г-жа Вержбовская, сестра г-жи Ельснеровой; крестьяне и девушки. Драма начинается тем, что шляхта Трокская, приняв деятельное участие в восстании 1831 года, выбралась в поле и оставила свои дома. Г. Гагерштат, подобрав себе сподручную шайку, неограниченно хозяйничал в уезде, грабил и обирал дома шляхетские, под предлогом усмирение бунта. В доме Ельснера, который погиб в восстании, Гагерштат позволил даже себе изнасиловать вдову его, отдав ее, по удовлетворении своей страсти, на поругание еврея Берки и целой своей шайки. Ельснерова не пережила такого позора! Такого рода насилие позволял себе усердный исправник и в других местах, а из грабежей составил себе значительное имение. По окончании восстания,

[50] Трокский уезд — административная единица в составе последовательно Виленской, Литовской и Литовско-Виленской губерний, существовавшая в 1795—1920 годах. Центр — город Троки, ныне литовский город и районный центр Тракай. До вхождения в состав Литвы в уезде проживало смешанное население из белорусов, поляков, литовцев и евреев (Прим. Составителя).

возвращаясь украдкой по домам, шляхта увидела себя в отношении к правительству и представителю его—исправнику в следующем положении: шляхтичи были виноваты в восстании, исправник виноват в грабежах, насилиях и явном разбое; первые должны были подвергнуться наказанию за бунт с оружием в руках, а исправник за разграбление имений, предназначенных в собственность правительства[51]; и потому могли, с одинаковыми последствиями, исправник обвинять шляхту, а шляхта исправника. Взаимное их положение было затруднительно; обе стороны были преступны пред законом и обе спаслись тем, что исправник простил шляхту, а шляхта простила исправника; шляхта осталась спокойною в своих селениях, как будто и не принадлежала к восстанию; а Гагерштат за награбленные деньги купил имение Вилькишки и вошел в общество помещиков Трокского уезда. Мы понимаем это взаимное прощение, данное, по неволе — опасаясь Сибири. Но шляхта не остановилась на этом. Не только простила она, забыла даже, что Гагерштат ограбил ее, ругался над их женами, сестрами, матерями и дочерями, но даже приняла в общество свое и приняла сердечно. У себя он был большой хлебосол и приятный в обществе;

[51] Имения участников восстания подлежали конфискация в пользу казны (Прим. Составителя).

шляхта бывала у него, и он бывал в домах у шляхты, веселился с ними, угощал и игрывал в карты. Но почтенный ее исправник никак не мог расстаться со страстью насиловать женщин; с той разницей, что не имея уже возможности удовлетворить ее на шляхтянках, он довольствовался малолетними крестьянскими девушками; не мог также расстаться с страстью разбойничать и засекать до смерти крестьян, наказывая их бессчётными ударами; а иногда, когда был в хорошем расположении духа, сек до тех пор, пока не выкурит трубку, закуренную при первом, а законченную при последнем ударе, при которых часто вместе с синеватым дымом, вылетавшим из уст Гагерштата, улетала не одна бедная душа крестьянина. Эти и другие подобного рода развлечения он позволял себе не только в собственном имении, —но и в Друсскениках[52], где он был смотрителем минеральных вод; а также и в Пржевалках и Веселове, которые он арендовала. Процессы уголовные, неизбежно из проделок возникавшие, он умел прекращать отличным знанием крючкодейства Московского и деньгами. А с шляхтой он жил очень дружно; шляхта, которая не могла не знать всех его мерзостей и

[52] Друсскеники - ныне литовский курортный город Друскининкай на самой границе с Республикой Беларусь, знаменитый своими минеральными источниками. (Прим. Составителя).

варварств, обнималась с разбойником, веселилась с ним, и даже в дружественных беседах между собою потешалась рассказами о милых проделках Гагерштата.

Было одно только существо, которое его преследовало, которое, как тень, как привидение, пристало к нему, не давало ему покоя. Это была г-жа Вержбовская, сестра Ельснеровой. Бедная эта женщина, разоренная до нищеты, прося милостыни, таскалась с горькими жалобами своими из суда в суд, от губернатора к губернатору, пешком ходила в Петербург и все добивалась правосудия против убийцы несчастной сестры её. Отгоняемая от дверей суда, она опять туда возвращалась; проиграв один процесс, начинала другой с новыми жалобами и доказательствами, присоединяя всякий раз к своему делу новые преступление Гагерштата, которые она, тщательно выслеживая, собирала. Отчаянная эта мстительность Вержбовской не мало стоила Гагерштату. Он то просил ее перестать, то угрожал ей, но ничего не помогало. Вследствие одной из жалоб Вержбовской приказано было сделать розыск о поведении Гагерштата, розыск, в котором показание обязаны были дать под присягою все

соседи. Съехалась шляхта в Меречь[53]. Двадцать восемь (другие говорят, будто только двенадцать) самых почтеннейших из уезда Тройского помещиков показали, и присягой утвердили, что Гагерштат честнейший человек... Когда помещики присягали торжественно пред Евангелием и пред распятием Спасителя, во имя того Христа, который так ясно указал нам путь истины, —Вержбовская взобралась на колокол и ударила в набат.

Когда мы слышали историю этой помещичьей присяги, —нам сделалось страшно; мы чувствовали, будто какая-то холодная рука сжимала нам горло; мы слышали болезненное биение нашего сердца.., как это в такой степени могут поляки забывать Бога, совесть, человечество, всякое чувство справедливости?!...

Исправимся, взывают жалобным голосом моралисты, но скажите Бога ради, что теперь взывание и плач помогут тем, которые в приязни, в тесной дружбе с Гагерштатами!... Дела Гагерштата ежедневно повторяются в каждом уезде. Освоение с проступками, с воровством, клятвопреступлением и разными подлостями, воплощенное в чиновниках, которыми

[53] Меречь в прошлом местечко, а ныне городок Меркине (лит. Merkinė) расположенный на слиянии двух рек: Немана и Меркис (Прим. составителя).

награждают нас Царство—грабители, с которыми помещики наши братаются и дружатся — это рак, грызущий и разрушающий общество Польское. Обыкновенные средства нравоучения ничего не помогут: надо рак вырезать, или все общество сгниет и погибнет! Поэтому силу лекарства должно соразмерять с силой болезни. Если болезни Польши лечить станем лекарствами, подаваемыми нам врагами нашими, учреждениями торговыми, литературными, учеными и артистическими, или, так называемыми, средствами, медленной реформы, медленного развитие экономических улучшений, трудолюбивого хождение по тернистому пути, и прочими тому подобными товариществами, находящимися под покровительством грабителей,—то, наверно, больную нашу отчизну отравим, залечим в смерть.

Рассмотрим только: что эта за больная и что это за враги! мы уверены, что те же самые шляхтичи Трокского уезда, если бы им тотчас после 1831 года даже под страхом Сибири приказано было присягнуть, что Гагерштат человек честный — ни за что не присягнули бы; однако понемногу освоясь с преступлениями, как Митридат с ядами, они сроднились с ними и нравственно усвоили их.

Вступая на этот путь, вдаваясь в него все больше и дальше, развращаясь постепенно и все сильнее и сильнее, они достигли, наконец, такой нравственной испорченности, что не только не способны спасти наше гибнущее отечество, не только способны дать еще хоть десять лживых присяг, но даже распять бы Самого Спасителя, если бы их попросил об этом какой-нибудь Гагерштадт! И это глубокая испорченность действует не только в сферах пожилых помещиков, а прививается как оспа к молодой крови детства. Выносят ее дети из школ... Да и с чем же дитя польское встречается в училище? Вот молоденький человек—юная головка которого едва озаряется первым проблеском мысли... на первых шагах из дому родительского он попадает сразу между шпионов. Да поверьте: Директор его шпион, инспекторы, пэдэли[54]—все шпионы; половина учителей шпионы, он уже предварен об этом.

Почти в одно время с молитвой мать научила его таиться пред учителями, скрывать святые чувства любви к страждущей матери отчизне,—если только она сама из любви к дитяти не затаила эти чувства и не скрыла их

[54] Педель - надзиратель за студентами в высших учебных заведениях в дореволюционной России и за границей. Происходит от нем. Pedell «школьный сторож, швейцар в учебном заведении» (Прим. Составителя).

http://aspects.su/

даже пред своим дитятею. В школу вступает он боязливым лгуном; в школах он упражняется в обмане и притворстве, а узнав, наконец, хоть тайно о более благородных чувствах, о более возвышенных правилах, невольно научается презирать учителей и родную мать, а наконец и самого себя, потому что чувствует себя слишком немощным, обреченным всегда бояться, всегда лгать, всегда притворяться! Получив такое воспитание, он становится владельцем, предводителем народа, участником в сотовариществах, членом общества, советником в советах, чиновником, священником, или воином в неприятельском стане.... Спрашивается, гражданство, утверждаемое на такой почве воспитания, чем может быть для отечества, - особенно такого отечества, как наше, страждущего, несчастного? Спрашиваем еще: если в такой школе систематической, заботливой, предусмотрительной и общей испорченности воспитаны несколько сразу поколений, то пятое или шестое после нас будет ли польским? Не новость для Польши развращение. Грешили ж наши предки: при Саксонских королях распьянствовались, развратились; при Станиславе-Августе продавали отечество с публичного торга.

Пропасть пагубы нравственной разверзлась под стопами Польши, и грохнула-бы она в

нее и забыли бы мы уже теперь о ней, если бы не спасли нас восстания, если бы пожертвование собой отечеству не действовало как могущественная реакция против общей безнравственности. Ослабевший дух польский воспрянул и выпрямился, видя поляков, обрекшихся на бой и жертвы. Пузовские, Косцюшки[55], Килинские[56], Гловацкие воздвигли Польшу.

---

[55] Косцюшки - имеется ввиду польский национальный герой Тадеуш Костюшко. В данном воззвании присутствуют мысли высказанные Тадеушем Костюшко о тактике партизанской войны и восстании в борьбе за независимость Польши. Что касается воинских талантов Тадеуша Костюшко, то, при внимательном изучении, они оказываются очень сомнительными. Как военный инженер, пять лет прослушавший лекции в военной академии Франции, он был возможно грамотным и умелым, особенно для Североамериканских штатов, только формировавших армию. Но, непосредственно командуя войсками, он не одержал ни одной реальной победы. Образ единственного в польской истории генералиссимуса — это типичный пример мифа, характерного для польской героики. (Прим. Составителя).

[56] Килинский - мещанин из простой семьи, ставший модным башмачником в Варшаве, и разбогатевший на этом ремесле. Возглавил кровавое восстание в Варшаве 19 апреля 1794, в ходе которого был вырезан практически безоружный русский гарнизон, не ожидавший такого от мещан. За это Ян Килинский был возведен в полковники лидером восстания Тадеушем Костюшко. После взятия Варшавы А. Суворовым, Килинский был взят в плен и, одновременно с Костюшко, Немцевичем и другими, отвезён в Петербург. Спустя два года в 1796 году по восшествию на престол Павла I вместе с другими пленниками принёс верноподданническую присягу российскому императору и был отпущен на свободу. Однако, нарушив клятву продолжил заниматься подрывной конспиративной деятельностью. При этом до конца жизни в 1819 году Ян Килинский

Конечно, не завоевали они для неё существования политического.

В этом отношении, выражаясь дипломатическим термином, они сделали только бесполезное кровопролитие; но за то возвратили Польшу к жизни нравственной потому что открыли дорогу служению отечеству, потому что отрезвили пьяных, привели в сознание и пристыдили развратных; потому наконец, что посеяли на обильной почве душ польских то зерно самопожертвования, которое дало плод в 1830 году и которое, по истощении его дипломатами, опять рассыпалось и рассеялось отдельными зернами по всей польской земле—то под видом одиноко-гибнущих мучеников, то под видом местных восстаний — таких, как поход Зашевского, или как восстание Краковское (1846 г.), Познаньское (1848 г.) и Украинское (1855 г.)[57], то под

получал пенсию от российского императора. Считается в Польше национальным героем (Прим. Составителя).

[57] Краковское восстание (польск. Powstanie krakowskie) произошло с 21 февраля по 4 марта 1846 года, и было одним из элементов общего восстания на польских территориях, входивших в состав Австро-Венгрии, Пруссии и Российской империи. Однако, из-за превентивного ареста заговорщиков в Восточной Пруссии и неудачного начала в Царстве Польском (Российская империя), восстание ограничилось только территорией Вольного города Кракова. Оно вылилось в несколько локальных выступлений в основном польской шляхты и студенчества и быстро было подавлено. Это восстание характерно тем, что несмотря на активную агитацию и надежды

видом политического скитальчества, соединяющего дела Польши с делами всех умственных народов и вступающего в союз со всеми народами сражающимися за свободу и

поднять на борьбу крестьянство, оно оказалось глухо к призывам бороться за независимость Польши. Более того, продолжением шляхетского восстания стала так называемая Галицкая резня, в результате которой русины Галиции выступили против польской шляхты и убили около 3 тысяч польских землевладельцев. После галисийской резни польские повстанцы перестали надеяться на крестьянское участие в национально-освободительной борьбе.

Познаньское восстание (1848 г.) - восстание в Познанском великом княжестве, принадлежавшем после Венского конгресса 1815 года Пруссии. Продолжалось с 20 марта по 9 мая 1848 года, и которое развернулось после получения известий о революционных событиях в Берлине. Восстание развивалось несколько парадоксально, - его войска выиграли несколько боевых стычек, но польские офицеры страшились крупного столкновения, и большинство участников восстания постепенно разбежалось, понимая бесперспективность крупного столкновения с прусской армией. Итогом восстания стала масштабная политика германизации и ликвидации политических прав поляков.

Украинское восстание (1855 г.) - выступления в 9 уездах Киевской губернии крепостных крестьян в 1855 году на фоне Крымской войны. Поводом к этому стал царский манифест от 25 января 1855 о создании подвижного ополчения. Крестьяне восприняли содержание манифеста как освобождение от крепостной зависимости. Они массово записывались в "казаки", отказываясь выполнять повинности. Во многом эти выступления были спровоцированы агитацией поляков-хлопоманов, работавших над сепаратистскими настроениями в Малороссии. Правительство бросило 16 эскадронов кавалерии, дивизион пехоты, две роты саперов. Произошли кровавые столкновения между восставшими и войсками, 39 крестьяне были убиты, 63 - ранены. Это движение получило название "Киевское казачество"(Прим. составителя).

http://aspects.su/

независимость; то, наконец, под видом заговоров, в которых молодежь, таясь пред начальниками, наставниками и нередко пред родителями,—укрепляла и вырабатывала независимость духа Польского. Жертвы, местные восстания, скитальчества и заговоры,—как нить преданий, напоминающих Полякам Польшу, возбуждающая и отрезвляющая их каждую минуту,—служит противоядием, противодействием развращенности, доской спасения, за которую с отчаянием ухватился и за которую крепко держится дух польский, утопающий в заливающем его океане испорченности. Если-бы этого не было, то не в шестом после нас поколении, как мы сказали выше, но теперь, в настоящую минуту, мы бы не были уже Поляками. Для поверки истины этого положение вспомним только, что именно делает нас Поляками? не те-ли долгие, тайные земляков единомышленников беседы; которых предметом были те побежденные, кому вместо памятников надгробных воздвигли сухое дерево виселицы?.. Не те-ли нескончаемые предания о делах и людях, олицетворивших собою тяжкий труд и самопожертвования для отечества? Наконец, не те-ли песни и стихи, так называемые запрещенные, не те-ли сочинение и книги, неизвестно как и откуда занесенные в Польшу, читаемые всеми с жадностью и сочувствием?..

Да! эти то жертвы, местные восстания, скитальчества изгнанников, заговоры, рассказываемые в беседах и преданиях, спетые в песнях, и вычитанные в сочинениях—служат противоядием, нейтрализующим отчасти влияние помещичьей и школьной испорченности. Не дали они закрыть книгу деяний Польши, не дали умереть жизни народа. Им обязаны мы тем, что из них, как из искры, можем теперь раздуть пламя, в котором сгорит все, что враждебно нашей отчизне, все, что в ней скверного, не чистого.

Увы! есть, к несчастию, поляки, которые историю Польши после 1831 г. считают несуществующей небывалою, которые с пренебрежением и насмешками осмеливаются отзываться о событиях, составляющих все наше богатство. Тем полякам ответить можно словами, которые И. Словацкий вложил в уста еврейке, отозвавшейся к Броницкому, насмехавшемуся над конфедератами:

— Ну, кто ты, что над ними насмехаешься? не собака-ли ты, что человечьи кости по полю зубами таскает, и над ними злится?

Есть другие поляки которые, быв поражены нравственной испорченностью, из-за неё не видели ничего, и вместо того, чтобы

углубляться в дух польский и укреплять его своим содействием, в страхе над судьбою отечества ив отчаянии взывают: „прежде исправимся, а потом восстанем"! Этим последним мы ответим: „Восстанем и тем самым исправимся!"

Косы, сабли и пики восставших имеют в себе более силы убеждающей, нежели все вместе косные жалобы, нравоучения и плач, кружащиеся в сфере отвлеченностей, — так как действие всегда полезнее слов.

Каким-же благословением была для нас та эпоха Костюшки? Скопление народное вокруг идеи самопожертвования, вокруг высокой и ясной цели Завещания, переданного нам чрез все наши пожертвования, есть необходимость нравственная, неизбежная, которую не понимает только или дурной, или полоумный поляк.

Восстание, в отношении к Пулавским[58] и Костюшкам и ко всем нашим богатырям и

[58] Казимир Пулавский - еще один характерный пример польской героики. Также как и Тадеуш Костюшко принял участие в войне за независимость Североамериканских Штатов от Великобритании. Помогать американцам Пулавский поехал как прославленный кавалерист после поражения Барская конфедерация в Польше на стороне которой он воевал, и стал знаменитым на всю Европу после серии разгромов от русских, одно из которых он имел честь получить от самого Суворова. 2 сентября 1769 около деревни

мученикам, делается для нас такою обязанностью, как для сына исполнение воли умирающего отца.

Невыполнение такой воли-будет клятвопреступлением; клятвопреступный сын—дурной сын, дурной сосед, дурной гражданин. Каждая испорченность и каждая добродетель имеет-свой источник. Источником

Орехова недалеко от Бреста сводный батальон Александра Суворова численностью 320 человек настиг и вступил в бой с двухтысячным кавалерийским отрядом под командованием Пулавского. В ходе ожесточенного боя погибло несколько сотен польских кавалеристов, полсотни попало в плен. Сам Пулавский чудом избежал смерти, а его отряд был рассеян и бежал. Потери же русских составили 5 убитых и 11 раненых. Так же как и Тадеуш Костюшко, Пулавский в Америке не выиграл ни одного сражения, но постоянно конфликтовал с американскими офицерами, пытаясь их обучить польской тактике кавалерийского боя. Во время одного из неудачных сражений Пулавский получил ранение в поясницу и спустя два дня скончался. Уже в начале 21 века после вскрытия могилы Пулавского возникли серьезные основания предполагать, что Пулавский был или женщиной или интерсексуалом.
https://www.bbc.com/russian/other-news-47844060
Тем не менее, он считается отцом американской кавалерии, поскольку первым придал регулярный характер этому роду войск в США. Традицию польской мифологии, когда из, в общем то заурядных вещей делается громкое событие, мы можем наблюдать на примере трех приведенных здесь примеров – Тадеуш Костюшко, Ян Килинский и Казимир Пулавский. Это искуство мифотворчества получило по наследству и «свядомое коло» в Белоруссии в конструировании местных героев, и в частности - Калиновского вплоть до изменения его имени на свядомый манер из Константина в Кастуся.

добродетели, наших героев и мучеников было самопожертвование, доказанное их делами, т. ё. восстаниями; и потому все мы, жаждущие, соединимся у этого чистого источника, и несмотря на то, что другим нравится утолять жажду в мутных водах, мы выполним завещание наших отцов, исполним священную обязанность народную: восстанем, братья, отцы, дети, восстанем все!

Возможность восстания.

„Польша хочет существовать, но не имеет (возможности) отваги существовать, потому что не знает, как ей существовать". (Z. Miroslawsky, Póws: Nar. Polsk.)

Мы не имеем намерения мистифицировать читателей, представляя им удобным то, что не легко; не хотим рассчитывать на их легковерие, ни уловлять их сердце общими выражениями, восклицаниями и риторическими блестками. Скажем им прямо и откровенно: восстать трудно; но, во-первых, восстать необходимо, а потому всякая трудность, как бы она ни была велика, исчезает пред этим одним словом: „необходимо;" и, во-вторых, восстать возможно. Поэтому нам остается единственный

долг и обязанность обойти и сломить эту преграду. Возможность нашего восстания измеряется препятствиями, не дозволяющими нам подняться с оружием в руках. Потому, говоря о возможности, не можем не говорить о затруднениях в исполнении.

В чем состоят главные препятствия восстания?

Прежде всего: в нас самих; потом: в усилиях врагов наших.

Переберем по очереди и нас самих и наших врагов.

Преграждаем мы сами себе восстание особенно, тем, что большинство из нас считает себя не тем, чем оно действительно есть по нашей польской натуре.

Общество наше разделилось на шляхту на не-шляхту, и мы забыли об истинной исторической причине и основаниях этого деления, опирающегося, собственно, и исключительно на обязанности защиты края. Шляхта - сословие рыцарское пополнилось из массы народа Польского и настолько имеет право быть шляхтой, насколько оно в состоянии защитить отечество; и настолько это сословие имеет право быть прокармливаемым и терпимым

http://aspects.su/

земледельцами, насколько,—заменяя их в рыцарском ремесле,—для себя и для них обеспечивает, существование отечества. Призвание шляхты—не господствовать, послужить по той простой причине, что, по происхождению своему, она не завоевательная как на западе, но это есть тот-же народ, только обязанный Государственной службой.

Пётр Митрофанович Мейер
«Подготовка к польскому мятежу в минской губернии в 1861 году. Записки генерал-майора Мейера»

Дмитрий Васильевич Скрынченко
Первоначальная журнальная редакция для «Минских Епархиальных ведомостей» (№№ 17-24.1907 г.)

Игорь Фёдорович Зеленковский
Современная редакция и составление отдельного издания в Приложении журнала «Аспект»/ Белград-Минск/ Декабрь 2019 г.

Аналитические записки и письма непосредственного свидетеля и участника событий, предшествовавших Польскому восстанию 1863-1864 годов в Царстве Польском и Северо-Западном края Российской империи Генерал-майора Мейера, несшего службу в Минской губернии по линии Министерства Внутренних дел.

На обложке первая фотография Минска, сделанная в 1963 году.

Издательство международного электронного журнала социальных и гуманитарных наук «АСПЕКТ» http://aspects.su/
ПРИЛОЖЕНИЕ. Серия ИСТОЧНИКИ.

ISSN 2560-3752 (Online)